

**АЛЕКСАНДР
ЯМАНОВ**

НЕСГИБАЕМЫЙ
ГРАФ

Александр Яманов
Несгибаемый граф

«Автор»

2026

Яманов А.

Несгибаемый граф / А. Яманов — «Автор», 2026

В начале 1773 года неожиданно скончался богатейший вельможа Российской империи - граф Пётр Шереметев. Его сын Николай, обучаясь в Голландии, узнал о смерти отца и попытался срочно вернуться домой, но стал жертвой нападения. Волею случая в тело умирающего наследника громадного состояния попадает наш современник. Сознание двух людей сливается в одно и получается новый человек. По возвращении в Санкт-Петербург неопытный и пылкий граф оказался в паутине придворных интриг. С чего и начались приключения Николая, начавшего применять знания будущего на пользу России. А ещё Шереметев влюбился. Пусть не в Прасковью Жемчугову, но судьба любит пошутить над своими баловнями.

© Яманов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Интерлюдия-1	11
Глава 1	15
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Яманов

Несгибаемый граф

Пролог

Декабрь 1774 года. Санкт-Петербург, Российская империя.

Пробки – изобретение отнюдь не XX века. В нынешнее время это явление тоже известно. Особенно когда речь идёт о рождественских гуляньях в Зимнем дворце. Пусть сегодня вечером прелюдия, а основные празднования начнутся через пару дней, но желающих оказаться на приёме императрицы хоть отбавляй. Тётушка сказала, что за право посетить даже второстепенные мероприятия развернулась нешуточная борьба.

Забавно, но я, наверное, единственный дворянин, равнодушный к этой суете. Лучше отметить праздники дома, пригласив родню и друзей. Однако меня выдернули из Москвы в самый неудобный момент.

– Нехорошо ты улыбаешься, гауптлинг¹. Неужели, каверзу замыслил? Пожалейте себя и нас грешных, – голос фон Шика вывел меня из размышлений. – Ведь всё хорошо шло. Только некоторые узкомыслящие создания старались портить нам жизнь.

Тихо вздохнув, ожидаю продолжения спектакля. И оно сразу же последовало:

– Барин, послушай юродивого немца. В кои веки схизматик дело говорит. Зачем тебе ссориться с важными людьми? Приехал, покрасовался в столице – и домой. Там тебя ждут, – включился в разговор дядька Ермолай. – А за оскорбление православного я могу и в тарелку плюнуть. Или чего похуже.

Эти двое любят собачиться, хоть и в шутку. Хобби у людей такое. А ещё парочке позволено меня критиковать и давать полезные советы. В их понимании, конечно.

Тем временем повозка остановилась. Корпус качнулся от спрыгнувшего с запяток груга. Оно немудрено, Федот – детина здоровенный, как медведь. И он не слуга, а телохранитель. Разбойников никто не отменял, к тому же в столь сложное время. На дорогах пошаливают. Восстание Пугачёва только подавлено. А самого Емельяна должны казнить через две недели в Москве. Собственно, к этому событию и приурочен приём императрицы.

В дверь постучали условным стуком, и она отворилась, впустив внутрь столичный мороз. Заодно в салон заглянул Федот и молча кивнул. Значит, чисто.

Ермолай плавно выскочил наружу и быстро осмотрелся. Фон Шик также резво последовал за ним. Я же через несколько секунд степенно ступил на очищенную от снега дорожку. Закутавшись в соболиную шубу, поправил шапку и направился к главному корпусу Зимнего дворца.

– С богом! – произнёс дядька, осеняя меня крестным знаменем.

Лакей предусмотрительно распахнул двери, и вот я во дворце. Ко мне сразу бросились слуги, начав вытирать сапоги, и помогли снять шубу.

– Далеко не уноси, – приказываю шуплому дядьке с красным носом, – я ненадолго.

Поправляю камзол, посмотрев в ростовое зеркало, и направляюсь вверх по Посольской лестнице. Пройдя вслед за очередным лакеем, поворачиваю на запад. Именно здесь располагается анфилада из пяти огромных помещений, заканчивающаяся Тронным залом.

Наконец величественные двери распахиваются, впуская меня в ослепляющее ярким светом и давящее духотой помещение.

---

¹ Häuptling – предводитель, вождь (племени), начальник (нем).

– Его сиятельство, граф Николай Шереметев! – проорал церемониймейстер, будто иерихонская труба.

Я аж вздрогнул. Столь мощным оказался голос, пробирающий до печёнок. Надев маску невозмутимости, направляюсь туда, где кучкуется основная масса гостей. Судя по всему, первый раунд танцев закончился и вельможи отдыхают, активно сплетничая. Естественно, моё появление добавило разнообразия здешней атмосфере.

Иду вдоль групп придворных, киваю, реже отвечаю на приветствия. Многие гости, особенно молодые, не смогли скрыть удивления. Значит, моя провокация удалась. Заявись я сюда в костюме турецкого султана или индийского раджи, то эффект оказался бы слабее. Впрочем, меня мало интересует мнение большей части присутствующих.

В следующей анфиладе раскланиваюсь с группой знакомых. Ловлю на себе недовольный взгляд тётушки и улыбаюсь. Екатерина Борисовна строгая только с виду. Она меня очень любит и регулярно пишет пространные письма, пытаюсь наставить на правильный путь. Пока бесполезно, надо заметить. По её мнению, конечно. Поэтому завтра меня ждёт очередная лекция и нравочения.

Как можно не посетить княгиню Урусову, будучи в Санкт-Петербурге? В Москве же меня ждёт вторая тётушка – Вера Борисовна Лопухина. Она меня тоже любит и балует, хотя не одобряет образ жизни племянника.

Наконец показалась причина моего приезда в столицу. Малый тронный зал забит если не под завязку, то плотно. Помещение и так небольшое, а здесь ещё столпотворение. Массовка меня не интересует, хотя среди стоящих вокруг стола, где идёт карточная игра, хватает блистательных вельмож и известных полководцев. Шутка ли, но здесь находится недавний триумфатор, генерал-фельдмаршал Румянцев, великолепно закончивший турецкую кампанию. Однако храбрый полководец вынужден стоять среди расфуфыренных придворных, ловя каждое слово игроков.

Оно и понятно, ведь за столом собралась интересная компания. Естественно, основное внимание привлекает пышная дама с массивной челюстью, надевшая высокий парик. В отличие от окружающих она предпочла минимум драгоценностей, ограничившись небольшим сапфировым колье, подходящим под цвет платья. Императрица может позволить себе выглядеть скромно.

По правую руку от самодержицы расположился высокий и крепкий мужчина в мундире подполковника Преображенского полка. Надо признать, что выглядит он представительно и даже красив. Общий вид не портит даже повязка, закрывающая левый глаз. Звезда Григория Потёмкина взошла стремительно и, по мнению опытных людей, надолго. Чему я точно не рад. Впрочем, наши чувства взаимны.

Слева от Екатерины сидит не менее импозантный, но более скромный человек. Обер-прокурор Александр Вяземский ограничился одним орденом и перстнем-печаткой на левой руке. В отличие от Потёмкина, обвешанного драгоценностями, как новогодняя ёлка.

Рядом с прокурором примостился такой же невзрачный дяденька, с которым я бы стал ссориться в последнюю очередь. Василий Иванович Суворов – важнейший сановник империи и верный пёс императрицы. Сенатор выполняет обязанности личного контролёра Екатерины. Кстати, его сын уже начал свой великий путь, но пока не снискал настоящей славы.

Человек, сидящий справа от фаворита, меня не удивил. Павел Сергеевич Потёмкин недавно закончил следствие над Пугачёвым, отличился пленением многих бунтовщиков, поэтому получает заслуженные почести. При поддержке родственника камер-юнкера ждёт просто град милостей. Он ведь допрашивал бунтовщиков ещё в Симбирске и сидел в осаждённой Казани! Куда там Румянцеву с его победой при Кагуле². Или присутствующему в зале князю

---

² Сражение при Кагуле – одна из ключевых битв русско-турецкой войны 1768–1774, состоявшаяся 21 июля 1770 года

Долгорукову³, взявшему Перекоп, разбившему два раза десятикратно превосходящую его силы армию и овладевшему Крымом.

Стоп, Коля! Тебя снова заносит. Одёргиваю себя, мысленно настраиваясь на рабочий лад. Хотя с каждым месяцем, прожитым в этом времени, мне всё сложнее сохранять спокойствие.

Спиной ко мне и напротив Екатерины расположился московский генерал-губернатор Волконский. Он тоже вёл следствие над Пугачёвым вместе с обер-секретарём Тайной канцелярии Шешковским, севшим отдельно в углу комнаты. Удивительно, но вокруг главы секретной службы образовалась пустота диаметром метра в два. И это несмотря на тесноту.

«Забавная диспозиция», – пронеслось в голове. Останавливаюсь перед столом и кланяюсь императрице. Остальным сидящим я даже не кивнул – кроме обер-прокурора. Ещё отец завещал, что с князем надо дружить. Старый граф даже регулярно поставлял Вяземскому фрукты из собственных теплиц. Я эту традицию нарушать не стал.

Через пару секунд киваю Шешковскому. С Тайной экспедицией будет конфликтовать только безумец.

Несмотря на неприятие повадок высшего света, у меня хватает мозгов не ссориться с людьми по пустякам. Врагов и без того хватает. После возвращения из Европы, осмотревшись, я сумел выстроить вполне рабочую систему. В её основе лежит принцип: не лезь в мои дела, я не полезу в твои. При этом никто не отлынивает от общественной жизни, включая бесполезные траты на приёмы и празднества. Просто не терплю излишне навязчивых людей, особенно жаждущих содрать с меня денег. Мошенников хватает и в XVIII веке.

Нельзя противопоставлять себя обществу. Поэтому через тётушек я помогаю своим многочисленным родственникам и просто знакомым семьи. Кого-то устраиваю в армию или на гражданскую службу, девицам подкидываю денег на приданое. Беру на попечение старых и одиноких людей. В Останкино, хозяйственной вотчине Шереметевых, не только стоят мануфактуры или выращиваются лимоны с персиками. По моему приказу боярский особняк отремонтировали и сделали из него дом престарелых. Оказалось, что немало одиноких дворян предпочитают жить среди собратьев по несчастью, нежели быть нахлебниками у дальней родни.

Охота меня не привлекает. Поэтому на месте огромных угодий, окружающих особняк, разбили парк для горожан. Вернее, работы продолжают до сих пор, но народ уже оценил новинку. Для понимания ситуации надо уточнить, что площадь Ботанического сада XXI века составляет триста шестьдесят гектаров, а усадьбы Останкино образца 1775 года – двести тридцать семь. Спрашивается, при чём здесь Цицин⁴?

Вот такую огромную территорию постепенно облагораживают по моему приказу. Вернее, начал ещё отец, превращая гектары девственного леса в уютную рощу и парк.

Возвращаясь к взаимоотношениям с обществом, могу сказать, что они вполне дружеские. С москвичами уж точно. Например, Москву начали облагораживать с моей подачи. Добавьте к этому различные культурно-развлекательные мероприятия, организовываемые мной чуть ли не каждый месяц. Пусть графа Шереметева считают большим оригиналом, но признают его усилия на ниве благотворительности и развития Первопрестольной. Недавно я начал строить больницу, открыл приют для убогих и детей.

на реке Кагул, на юге современной Молдавии. В ней русская армия в 17 тысяч пехотинцев и несколько тысяч кавалеристов разгромила османов численностью 150 тысяч человек.

³ Князь Василий Михайлович Долгоруков-Крымский (1722–1782) – российский военачальник. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. командовал русской армией, завоевавшей Крым; в память об этом получил победный титул «Крымский». Генерал-аншеф (1762).

⁴ Николай Васильевич Цицин (1898–1980) – советский ботаник, генетик и селекционер. Академик АН СССР (1939), ВАСХНИЛ (1938; в 1938–1948 вице-президент). Якобы основал Ботанический сад в Москве.

Мне казалось, что такими вопросами должно заниматься государство. Но у него другие заботы. В том числе у сидящих за столом персонажей. Им мои потуги по улучшению экономики и жизни людей безразличны.

Тем временем правительница удостоила меня права лобызания монаршей ручки. Пришлось подойти и склониться над пухлой, но ухоженной ладошкой. От Екатерины пахло тонким ароматом духов. Она одарила меня приветливым взглядом, впрочем, это ничего не значит.

– Вы опоздали, граф, – произнесла императрица по-французски.

Пусть лучше так. Тяжко слышать, как Екатерина коверкает русскую речь немецким акцентом. Хорошо, что её нынешний фаворит знает иностранные языки. Будь рядом необразованный Орлов, пришлось бы терпеть филологическое насилие.

– Гонец застал меня в пути, Ваше Величество. Дороги изрядно замело, но мы старались прибыть как можно быстрее, – отвечаю, глядя в глаза правительнице.

Мне скрывать ничего. Да и она в курсе, что мой кортеж буквально продирается сквозь заваленные снегом дороги, меняя лошадей на ямских станциях два раза в день. Колея накатана, но мы попали в снегопад. Бывает. На дворе всё-таки конец декабря. Плюс трафик снизился в связи с постом и Рождеством, поэтому дороги стали труднопроходимыми.

Екатерина кивнула в ответ и продолжила рассматривать меня. В зале вдруг повисла тишина, нарушаемая только шелестом вееров и шуршанием одежды переминающихся с ноги на ноги придворных. Оно понятно. Попробуй постой несколько часов, ещё и в такой духоте. Это сколько здоровья надо иметь! А среди собравшихся хватает людей в возрасте. Поэтому придворные разминают ножки. Простоят так всю ночь, ловя внимание повелительницы и её приближённых, затем под утро двинутся домой, чтобы спать до обеда. На следующий день господа продолжат эту бессмысленную сансару.

– У меня есть для вас радостная новость, граф, – Екатерина нарушила молчание, а придворные издали едва слышный вздох. – Но я озвучу её позже.

Милая улыбка на некрасивом лице царицы подтверждала мои опасения. Ничего хорошего приезд в Питер не сулит.

Я уж было решил отправиться в большой зал, дабы пообщаться с тётушкой и другими родственниками, как Потёмкин подал голос. Скорее всего, у фаворита зыграла ревность. Уж больно откровенно меня разглядывала императрица. Добавьте к этому слухи о событиях двухлетней давности, а на кону слишком большие деньги и власть. Поэтому опасения Гришки логичны. К тому же я не Васильчиков⁵, которого, как шкаф, отодвинули в сторонку. Люди учтывают не только мои возможности, но и внешность с флёром таинственности. Другой вопрос, что я даже в пьяном виде не позарюсь на такое сокровище, как толстая и страшная сорокапятiletняя немка. Только присутствующим этого не понять. Да и леший с ними!

– А чего ты, Николай Петрович, вырядился, как на маскарад? Праздник намечен на послезавтра. Запомню или заранее готовишься?

По толпе придворных будто прошла волна. Часть встретила слова фаворита смешками, иные начали тихо шептаться, кто-то улыбнулся или нацепил на лицо маску невозмутимости. Может, Гришка просто завидует моему чёрному камзолу с вышитым на нём серебряным Индрик-зверем? Согласен, красиво получилось!

– Предпочитаю русскую одежду. Предки не были глупцами, коли её придумали. В этом камзоле удобно воевать, работать и танцевать, – взмахивая руками под усилившееся шушуканье придворных. – Для верховой езды и войны ещё есть чуга. Но ты вряд ли поймёшь, зачем она нужна. А французские и немецкие камзолы – просто дрянь! Неудобно, душно и натирает где только можно. Про лосины, которые сам не снимешь или, упаси господь, короткие шта-

---

⁵ Александр Семёнович Васильчиков (1746–1804) – один из фаворитов императрицы Екатерины II в 1772–1774 годах; коллекционер. По настоянию Орлова был отправлен в Москву.

нишки с чулочками, как у баб, я лучше промолчу. Парик мне без надобности. Благо срамными болезнями не страдаю и волосы пока свои. И сафьяновые сапоги гораздо удобнее, под стать русскому камзолу. Поэтому я и ношу такой наряд. Представители знатных родов могут позволить себе подобные шалости. А ещё благородные люди умеют обращаться с оружием.

Лицо Потёмкина пошло пятнами, а ноздри сузились от учащённого дыхания. Гришка понял, что над ним надсмехаются. Только он молчал, потому что его пусть завуалировано, но вызвали на дуэль. Фаворит прекрасно помнит историю двухлетней давности.

Говорят, что Потёмкин не трус. Он вроде проявил храбрость во время последней войны с турками. Во что верится с трудом. Слухи о его настоящих подвигах давно докатились до аристократических салонов. Ведь в реляции генералы могли написать что угодно. Лишь бы угодить царице. Может, поэтому он не принял вызов.

От окончательного конфуза Гришку спасла Екатерина, нарушившая повисшее в помещении молчание.

– Граф, будем считать, что вас неверно поняли. Касательно маскарада, то вы приглашены. А пока идите к тётушке, она наверняка вас заждалась.

Народ ожил, встретив слова императрицы смехом и улыбками. Только глаза некоторых вельмож радости не выражали. У них свои расклады, а тут Шереметев вломился как слон в посудную лавку. Хотя моя персона точно вплетена во многие интриги. Просто лень копаться в местной клоаке.

С Потёмкиным и прочей шелухой, влезшей на политический Олимп, у меня свои счёты. Они совсем обнаглели, как и многие родственники заговорщиков, обласканные милостью Екатерины после переворота. В Москве их тоже хватает. Надоели!

Поэтому даже намёк на насмешку воспринимается мной в штыки. Два года назад я уже указал швали её место. Вот и сегодня напомнил. Если меня бьют по одной щеке, то вместо предоставления второй предпочитаю в ответ рубить саблей или стрелять из пистолета. С этими пауками нельзя иначе. Сожрут!

***

– Николая, что ты устроил? Зачем ссориться с Потёмкиным? Совсем одичал в Москве? – тётушка сразу оттащила меня в относительно свободный закуток и начала разбор полётов. – Я приложила столько сил, чтобы сгладить последствия прошлого конфликта. А ты?

Окружающие делали вид, что им неинтересно, но пытались поймать каждое слово. Благо вновь заиграл оркестр и часть публики закружилась в танце. Мне очень хотелось на воздух, уж больно здесь душно. Как физически, так и морально. Но необходимо соблюдать приличия. А ещё я действительно люблю Екатерину Борисовну, поэтому готов к любой выволочке.

Невысокая, полная, с круглым лицом и добрыми глазами, она больше походила на булочницу из сказки. Да и отчитывала меня для видимости, размышляя, как сгладить последствия стычки.

Поэтому я промычал в ответ классическое «а чё он?» и далее молчал, склонив голову.

Закончив короткую речь, тётушка огляделась вокруг. Какая-то парочка матрон попыталась приблизиться, но быстро развернулась, наткнувшись на строгий взгляд княгини Урусовой. Она добра только с близкими, особенно с сыном скоропостижно скончавшегося брата. То есть со мной. А вообще тётушка твёрдо держит в руках семейное хозяйство, в том числе своего мужа. Князь неплохой человек и боевой офицер. Но редкостный подкаблучник.

– Или ты узнал о причине вызова в столицу? – Екатерина Борисовна резко сменила тему. – Поэтому и устроил это непотребство?

– Клянусь, не знаю, зачем я понадобился императрице. Есть три причины. Первая – наши с Болотовым статьи в «Коммерсанте» и основание «Экономического магазина»⁶. Вторая – про-

---

⁶ «Экономический магазин» – российский сельскохозяйственный журнал, выходивший в 1780–1789 гг. в Москве.

ект преобразования Дворянского банка и моя критика оного. Третья – основание совместно с Трубецким...

– Четвёртое, – перебила меня княгиня. – Её Величество выбрала тебе невесту – Марию Волконскую⁷.

Я подозревал, но гнал подальше такие мысли. Несмотря на это, кровь ударила мне в голову, а лицо исказила гримаса злости.

– Отвернись, остолоп! – воскликнула тётушка по-русски, повернув меня к окну. – Ты сейчас похож на зверя, а не на человека. Прямо волк оскалившийся! Нечего людей пугать!

Делаю несколько глубоких вдохов, пытаюсь привести нервы в порядок. Вроде я готов к такому повороту, но всё напрасно.

– Успокоился? Тогда повернись и поприветствуй Дашку. Ходит тут, всё выведывает! – прошипела последние слова обычно спокойная Екатерина Борисовна.

Мимо продефилировала статс-дама Дарья Салтыкова, одарившая нас лёгким кивком, будто королева. Водится за графинею подобное, высокомерие у мадам выше Гималаев. Она тоже моя родственница, но принадлежит к противоположному лагерю.

– Коленька! – произнесла тётя, когда фрейлина Екатерины прошла мимо. – Так нельзя! Я всё понимаю – дело молодое. И никоим образом тебя не осуждаю. Но связь с крестьянкой – это мезальянс! Вернее, нельзя выставлять подобные отношения напоказ. Пойми, такое поведение раздражает высший свет.

– Она не крестьянка, – спокойно отвечаю Екатерине Борисовне.

– Хорошо, крепостная! Чем же Анна тебя приворожила? Ведь ты не отступишь! Мне хватило одного волчьего оскала! Откуда в тебе это? Брр! – поёжилась тётушка.

– Любовь и душевный покой в расчёт принимаются? – задаю вопрос с улыбкой, уж слишком забавно сейчас выглядит княгиня.

Только Екатерина Борисовна не поддержала моего шуточного настроения:

– Господи, спаси и сохрани! – зашептала она.

---

⁷ Автор знает, что Мария Волконская умерла в 1765 году. Не забываем, у нас альтернативная история.

Интерлюдия-1

– Он отказался! Ты уж прости его, князь, – с нотками растерянности произнесла императрица.

На самом деле она была рада порывистому поступку графа. На то и был расчёт. И дело не только в попытке обуздать богатейшего человека страны, начавшего выходить из-под контроля. Это обычная месть отвергнутой женщины. Такое Екатерина не забывает и не прощает.

В кабинете владычицы России собралась та же компания, что и за карточным столом. Присутствовал и Шешковский. Куда ж без него?

Праздники отгремели, и можно заняться насущными делами, которые копились как снежный ком. Касательно обсуждаемой ситуации, то слова императрицы предназначались Волконскому.

Московский генерал-губернатор попытался сохранить невозмутимый вид, но безуспешно. Опытные столичные вельможи сразу почуяли вспышку злости, мелькнувшую в глазах князя. Все знали, что Михаил Никитич обожает вторую дочь, чудом выжившую после тяжёлой болезни десять лет назад. А ещё он очень хотел выдать Марию за Шереметева. Именно на этом императрица и строила интригу.

Но судьба добродетельной княжны, впрочем, как и строптивого графа, была вторична. Главная цель Екатерины – разрушение так называемой московской Фронды. После издания «Манифеста о вольности дворянства» множество благородных семей возвратились в Первопрестольную. За прошедшие годы они создали в Москве своё общество и даже с насмешкой посматривали на столичные события. Благо денег и влияния им хватало. Складывающаяся ситуация злила императрицу, прекрасно понимавшую шаткость своего положения. Если она смогла свергнуть мужа, то почему кому-то не попытаться устранить её?

Последней каплей в этой истории стало возвращение из-за границы молодого Шереметева, взбудоражившего обе столицы. Граф вроде ничего не замыслил против власти, однако его предложения, проекты и поведение притягивали людей. С учётом безграничных финансовых возможностей возмутителя спокойствия обстановка становилась неуправляемой. Что ещё сильнее раздражало и пугало правительницу, осознающую невозможность изменить нынешние расклады. Но Николай Петрович сам дал повод, которым глупо не воспользоваться.

– Присаживайтесь, господа, – произнесла Екатерина, будто вспомнив о стоящих перед ней вельможах.

Только Потёмкин, пришедший на несколько минут раньше, уже занял кресло по правую руку императрицы.

Именно фаворит и начал разговор. Екатерина сознательно отстранилась от обвинений в сторону Шереметева. Даже среди ближайшего окружения она старалась показать свою беспристрастность.

– Господа, вам не кажется, что Шереметев перешёл черту допустимого? Не знаю, чем он мотивировал отказ Её Величеству, выступившей свахой, тем самым оказав графу великую честь. – При упоминании настоявшегося сватовства Волконский нахмурился ещё сильнее. – Также мне неясно, как трактовать оскорбление и фактический вызов на дуэль по надуманному предлогу? Что-то я не припомню, чтобы свитские позволяли себе подобное с подполковниками гвардии.

Присутствующие встретили слова Григория Александровича кивками, но промолчали.

– А эти его сказки! Это же откровенные намёки! Чуть ли не в каждой царь или иной повелитель выставляется дураком или лиходеем, – продолжил фаворит.

– Возможно, граф слишком увлёкся европейскими веяниями. Надо учитывать, что его взросление произошло за границей, – произнёс Вяземский. – Шереметев молод и порывист.

Оттого и необдуманные поступки. Надо провести с Николаем Петровичем беседу. Так сказать, по-отечески указав ему на ошибки. Касательно сказок, то здесь вы нагнетаете.

Обер-прокурор не стал говорить, что сам часто читает произведения и стихотворения графа своим дочкам. Потому и заступился за излишне пылкого литератора.

– Я проверял подноготную историй, вещаемых Шереметевым. Они опираются на русские народные или европейские сказания. Естественно, всё переложено на современный литературный язык, поэтому их уже сложно узнать. Но суть повествования граф не менял. Герой-молодец преодолевает всяческие преграды и воссоединяется со своей суженой. Часто в сюжете врагами или недоброжелателями выступают правители или их окружение, – на помощь князю неожиданно пришёл Шешковский. – Поэтому сложно вменить нашему пииту какую-то вину. Но я бы обратил внимание на развитие и рост литературных кружков, особенно увлечшихся русскими народными преданиями. На этих чтениях молодые люди иногда позволяют себе лишнего. Впрочем, всё находится под надзором экспедиции.

Обер-секретарь сразу успокоил вскинувшуюся было Екатерину. Несмотря на образ просвещённой правительницы и переписку с прогрессивными философами, императрица очень не любила подобные начинания. Сначала народ собирается в кружки, затем заражается вольнодумством, а там и до тайных обществ недалеко. Чего только стоит модное ныне масонство, начавшее беспокоить императрицу. А ведь хватает и других адептов Просвещения, договорившихся даже до необходимости ограничения царской власти, как воспитатель её сына граф Панин.

– А ты что скажешь, Василий Иванович? – Екатерина решила выслушать своего ревизора, надзирающего даже над Тайной канцелярией.

Вельможа, как всегда, хотел отмолчаться, но на вопрос императрицы надо отвечать. Собравшись с мыслями, сенатор зашамкал беззубым ртом:

– Дело не в сказках или литературных салонах. И даже не в критике Дворянского банка или статье об отставании русской промышленности, вызвавших бурное обсуждение в обществе. То, что граф отказался жениться на княжне, предпочтя крестьянку, тоже не диво. Иные помещики содержат целые гаремы, аки турецкие паши. А некоторые барыни предпочитают своим мужьям молодых грумов.

Последние слова заставили Волконского поморщиться, а императрица лицемерно вздохнула, будто осуждая проделки высокородных подданных. Но старый вельможа не обратил на это внимания.

– Надо зреть в корень. Граф не просто поставил себя вне общества. Он открыто осуждает его и даже разрушает.

Екатерина вопросительно посмотрела на Суворова, после чего тот пояснил:

– В самый разгар бунта Емельки Пугачёва Шереметев заменил барщину оброком. Ещё заморозил многим своим крестьянам недоимки. Затем начал прививать их от оспы, выдавать кредиты, назначил твёрдую цену для выкупа из крепости, ещё запустил какую-то хитрую форму хозяйства. В итоге графские мужики успокоились и даже зажили получше. В чём нет ничего плохого. Однако подобные деяния вкупе с другими послаблениями привели к дополнительному возмущению остальных крестьян. Многие помещики, особенно победнее, сильно пострадали от поступков этого богатея. Никто не знает, сколько новых бунтов произошло из-за деятельности графа. Или какие суммы потеряли дворяне, пытаясь умаслить озверевшего мужика. Это уже не шутки, а покушение на государственные устои.

После слов старейшего соратника в кабинете императрицы повисла тишина. Впрочем, её сразу нарушил явно довольный Потёмкин:

– Что ты предлагаешь, Василий Иванович?

– Если это не злоумышление против основ государства российского, то я ничего не понимаю в жизни, – проскрипел Суворов. – При Петре Алексеевиче за такое полагались батоги,

после чего возмутитель шёл солдатом в гвардию. А Анна Иоанновна могла и в ссылку отправить, лишив всего имущества.

При упоминании методов покойной императрицы глаза фаворита алчно сверкнули. Он всегда ощущал недостаток в средствах и был не прочь поживиться за счёт наглого графёнка. Григорий никогда не простит, что ему попеняли низким происхождением. Даже обвинение в трусости не так сильно взбесило фаворита.

– Степан Иванович, а ты что скажешь? Обвинения сенатора касаются твоего ведомства, – Екатерина обратилась к обер-секретарю.

Ответ главы Тайной канцелярии удивил всех присутствующих:

– Салтыковы, Трубецкие, Урусовы, Волынские, Голицыны, Долгоруковы, Головины, Нарышкины, Лопухины, Лобановы-Ростовские, а с недавних пор Разумовские. К перечисленным фамилиям можно добавить ещё десяток.

Через несколько секунд императрица нарушила воцарившееся молчание:

– С каких пор ты заговорил загадками, Степан Иванович?

– Я перечислил только близких родственников Шереметева. Прошу заметить, что представителей этих фамилий хватает в армии, гвардии и гражданских ведомствах. Где они занимают важные должности. Арест Николая Петровича вызовет бурю возмущения среди перечисленных фамилий, – пояснил Шешковский. – Думаю, нам это ни к чему. Тем более что вельможи будут возмущаться совершенно искренне. Ведь родня считает графа молодым оригином и ждет, когда он переберется. Поэтому трогать его сейчас нельзя.

– У тебя наверняка есть предложение? – сразу спросила императрица.

– Конечно. Николай Петрович молод и порывист. Он уже натворил немало дел и продолжает оттаптывать уважаемым людям мозоли. – Собравшиеся мысленно улыбнулись, поняв, что речь о разозлённом Волконском. – Поэтому предлагаю успокоиться и ждать ошибку нашего героя. А далее мы сделаем так, чтобы она стала фатальной.

– Да будет так! – с жутким акцентом произнесла императрица.

***

Капитана Осташкова фаворит встретил на войне с турками. Именно там Потёмкин подобрал столь нужного человечка. На самом деле фаворит помог офицеру избежать суда за мародёрство и насилие, чинимое местным жителям. Григорий Александрович тогда здраво рассудил, что ему могут понадобиться такие люди. И не пожалел.

С тех пор Павел Осташков, невысокий мужчина сорока лет, обладающий цепким взглядом и хорошо работающий шпагой, помог решить несколько деликатных дел. Главным достоинством капитана были преданность и отсутствие щепетильности. Он мог с одинаковым хладнокровием проникнуть в чужой особняк или перерезать горло ребёнку.

Благо последнее действие пока не требовалось. В основном капитан следил за некоторыми людьми, собирал слухи, подпайвая или покупая слуг противников фаворита. Заодно Осташков наводил ужас на управляющих и лакеев Потёмкина. При всей лёгкости обращения с деньгами, которых генерал-адъютант не считал, он крайне не любил воров. Особенно когда расхищали его имущество. Некоторые хапуги уже заплатили за это своим здоровьем. А парочка особо хитромудрых слуг рассталась с жизнью.

Касательно сегодняшней встречи, то всё просто. Договор императрицы с соратниками – дело хорошее. Однако у фаворита было своё мнение на этот счёт.

Поэтому, будучи одетым в халат и развалившись в кресле, он слушал стоящего навзятжку капитана. Потёмкин принимал гостя в своём роскошном кабинете, который по яркости отделки и количеству различных безделушек больше подошёл бы какой-нибудь даме.

– Граф покинет столицу через три дня. Ранее его не отпустит тётушка, – Осташков недобро ухмыльнулся, и продолжил: – Поэтому я сегодня же отправляюсь в путь, надо успеть всё подготовить.

Холёная рука хозяина кабинета потянулась к хрустальному бокалу с вином, стоявшему на маленьком столике.

– Не рановато? – спросил он, сделав добрый глоток дорогущего напитка.

– Мне кажется, что лучше встретить графа ближе к Москве. Сейчас вокруг старой столицы беспокойно, и бродит множество разбойничьих шаяк. Крестьяне шалют, ещё хватает людишек из ватаги Пугачёва, перебравшихся с Волги. Место мы примерно выбрали, осталось осмотреть всё на деле и подготовиться, – хрипло произнёс капитан, с вожделием глядя на вино.

Фаворит проигнорировал жадный взгляд своего человека. Он обдумывал сложившееся положение и размышлял, не стоит ли отказаться от рискованного проекта. Однако ненависть к Шереметеву оказалась сильнее.

– Что тебе потребуется для решения вопроса?

– Деньги! – быстро произнёс Осташков и снова ухмыльнулся.

Потёмкин же мысленно поморщился. Капитан всегда выполнял его поручения, но и оплату требовал немалую.

– Не беспокойтесь, ваше превосходительство, всё пройдёт гладко. За собой я тоже приберу. К вам не потянется ни одной ниточки, – Павел сразу стал серьёзным.

– Может, захватишь с собой Черткова? У него давний должок к графу.

– Нет. Евграф глуп и болтлив. Он только помешает, – отказался Осташков.

– Действуй! – махнул рукой фаворит.

Глава 1

Февраль 1773 года, Роттердам, Республика Нидерланды.

В себя я приходил долго. День, а может, два. Такое ощущение, что ты находишься в коконе или вязкой жиже. Ещё эти странные видения, будто вокруг комната с раритетной мебелью и плохо окрашенными стенами. К тому же воздух слишком спёртый и неприятный для больницы. А где мне ещё находиться, исходя из жуткой головной боли, постоянной потере сознания и слабости? В один из моментов прояснения меня поразило местное освещение. Это что? Масляная лампа? Судя по источаемой гари, она самая. В какой дыре могут использовать подобный экспонат? Или это деревенский дом, где давно отключили электричество? Такой вариант логичен, с учётом того, где я находился в последнее время.

Также смущают языки, на которых разговаривают окружающие. Если немецкий я узнал сразу, то два остальных – нет. Первый явно славянский, похожий на русский, но отличный. Может, болгарский? Второй ближе к немецкому. Однако такое ощущение, что говорившие специально клали в рот камни, дабы добиться специфического звучания.

По-немецки разговаривали двое мужчин, при этом частенько спорили и даже ругались. Один из них пытался достучаться до меня на славянском, рассказывая о произошедших событиях, или просто причитал. Я с пятого на десятое понимал, о чём он вещает. Этот же человек использовал «шипящий немецкий», когда обращался к женщине. Скорее всего, санитарке, обтиравшей меня мокрой тряпкой и менявшей бельё. Только всех этих людей я не знаю.

Чуть позже начали приходиться другие видения. Может, это часть бреда?

Почему происходящее казалось бредом, а не сном? Очень просто: уж больно он реалистичный и эмоциональный. Это не ночной кошмар, который ты забываешь через секунду после пробуждения. Всё происходящее отложилось в памяти.

Я или часть меня горевали о недавно умершем отце. Потом мысли перескакивали на любимую сестру, отчего внутри всё сжималось и хотелось плакать. После приходили образы тётушек, которые переживают за меня и ждут возвращения. Образы я видел так ярко, будто в кино со звуком. Вроде ничего необычно? Сны? Так почему они приходят постоянно? Будто это часть моей жизни.

Теоретически, можно смириться и с этим. Только своего отца я не знал, сестёр у меня нет, а единственная тётя умерла лет десять назад. Последним родным человеком оставалась мама, скончавшаяся от болезни через три года после тётушки. Жена и дети у меня были. Только вспоминать о них не хочется. Разобраться бы, что происходит вокруг.

Всё изменилось, когда нашу скромную обитель посетил доктор. Я как раз относительно пришёл в себя и немного различал происходящее. Ощущение – будто смотришь на всё сквозь мутное стекло. Примерно так же до меня доносились и звуки. Как через толщу воды. Вроде слышно, но не всё удаётся разобрать. Ещё и непонятные языки. Немецкий ведь тоже какой-то странный. Не сказать, что я его знаток, но учил в школе как второй язык. Даже смог попрактиковаться, когда работал на компанию из ФРГ.

Касательно прихода врача, то сначала в комнате началось оживление. Затем раздалось сразу три мужских голоса. Два уже знакомых и один новый, хриплый и неприятный. Или я уже привык к парочке спорщиков, поэтому встретил пришельца настроенно.

Рядом послышался скрип стула и тяжёлое дыхание, а затем меня обдало смрадом, исходящим изо рта. Доктор явно не следил за своим желудком и весом. Или просто не заморачивался подобными мелочами, раз его амбре перебивало не самые приятные запахи в комнате. Я ведь тоже немного пованиваю. Гадить-то приходится под себя.

Пытаюсь сфокусировать взгляд на госте, перекрывающем мне обзор. Но вижу только силуэт, одетый в камзол старинного покроя и необычную конструкцию на голове. Парик? Что

за маскарад? Я уже обращал внимание, что мужик, пытавшийся меня растормошить, и женщина носят странные наряды. Но сделал скидку на галлюцинации. Только глюки малость затянулись и становятся всё более реальными.

Сначала эскулап снял с моей головы повязку, что сделал излишне грубо. Было больно, но терпимо. Однако от таких манипуляций закружилась голова, а картинка моргнула и затуманилась. Или мне стало хуже ещё и от ядрёного запаха пота, шибяющего от доктора? Он совсем не моется? Или проблемы с железами? Судя по тому, что мне удалось увидеть, дядька здоровенный и толстый. Может, дело в излишней потливости. Но для кого тогда придумали дезодоранты?

Далее дядька смазал мою голову чем-то вонючим, и быстро замотал повязку. Странно, что он не стал менять бинт на новый. Какая-то необычная медицина. Ещё и с душиком.

Все манипуляции сопровождались вопросами парочки мужиков, которым доктор отвечал крайне неохотно.

А далее товарищ произвёл манипуляцию, ставшую катализатором моего внедрения в окружающую реальность.

Сначала мне показалось, что доктор решил сделать укол. Видно же плохо. Однако резкая боль в предплечье заставила дёрнуться. Затем дяденька прислонил к ране какую-то штуку. Он берёт у меня кровь? Зачем, если травмирована голова? Тут я почувствовал нахлынувшую слабость и попытался на остатках воли сконцентрировать зрение.

Жирный мужик в парике приложил к моей руке необычную конструкцию, куда текла тёмно-красная жидкость. Мне пускают кровь! Пришло воспоминание о методах лечения, применяемых в средневековье. Что за идиотизм? Я и так ослаблен, не могу кушать и еле-еле глотаю тёплую воду. И вдруг такое!

Ненавижу таких деятелей! Сколько людей угроблено из-за так называемых врачебных ошибок! Не пойму, откуда у меня нашлись силы, но я попытался отдёрнуть руку и одновременно заорать. Только из горла раздался звук, похожий на клёкот. Касательно руки, то мне удалось сбить процесс отъёма крови. В ответ доктор начал что-то ворчать. Неожиданно на помощь пришёл один из мужиков, разговаривавший со мной по-славянски:

– Барин, ты очнулся? – Примерно перевожу вопрос. – Остановить немчуру?

– Да! – буквально выталкиваю ответ из пересохшего горла.

Острая боль пронзила голову, которой я случайно дёрнул. Организм отреагировал тошнотой и рвотными позывами.

– Ты чего делаешь, морда басурманская? Он же сейчас захлебнётся! – воскликнул мужик.

Затем я потерял сознание.

***

Необычное ощущение. Если это сон, то очень странный. Очнулся я в полной темноте и тишине, будто в вакууме. Позже пришло понимание – это чертоги моего разума. Как бы необычно ни звучали подобные догадки. Хотя со мной произошло столько странностей, что можно не удивляться.

А вот далее начались настоящие чудеса. Моё сознание начало меняться. Вернее, его стали заполнять чужие воспоминания. Это я понял позже, а пока относился к происходящему, как к забавному кино. Весьма реалистичному, с полным погружением, только без звука. Вместо него информация автоматически укладывалась в мозг, будто записывались компьютерные программы.

Вот полная женщина с добрыми глазами и резкими чертами лица что-то объясняет мне с улыбкой. После беседы она потрепала меня по волосам. Мама!

На следующей картинке мы ходим по теплицам необычного вида с высоким и статным мужчиной. Он с энтузиазмом рассказывает мне о растущих здесь растениях. За окнами лежит

снег, значит, многие из них не из здешних мест. Например, кусты ананаса! Я не знал ранее, как растёт этот плод. Отец!

Далее передо мной оказались две забавные девчонки: одной лет двенадцать, второй – семь. Они одеты в платья старинного образца, у обоих волосы заплетены в косички. У нас урок музыки. Девочки сосредоточены и внимательно слушают пожилого учителя. Такие забавные и милые! Я их люблю! На душе потеплело. Сестрёнки!

Не знаю, сколько времени занял показ. Он оказался насыщенным и интересным. Я внимательно смотрел и запоминал происходящее. Хотя делал это зря. Оказалось, что чужие воспоминания стали моими. Или наоборот. Есть подозрение, что именно я оказался в чужом теле. Пусть разглядеть себя не получилось, но есть мелкие детали, натолкнувшие на такую мысль.

***

В этот раз картинка оказалась столь яркой, что мне пришлось закрыть глаза. Очнулся я рывком и снова оказался в той самой комнате. Солнечный свет, бьющий из окон, сначала меня ослепил, а затем позволил более детально рассмотреть окружающую обстановку.

Мои первоначальные выводы оказались верными. Вокруг что-то вроде музейных экспонатов из далёкого прошлого. Грубоватые стол, стулья, шкаф и кровать, на которой я лежу. В углу узкая печь с двумя створками, покрашенная белой краской. Три небольших окна позволяют солнечным лучам хорошо освещать комнату. Кстати, дизайн окон совершенно не наш. Рядом с кроватью стоит столик, где расположились кувшин и чашка.

Сразу захотелось пить. Горло сильно пересохло, мне даже хрипеть сложно.

Зато порадовала голова. Она почти не болит, а просто тяжёлая, как после долгого сна или болезни. По идее, со мной произошло всё сразу.

Вдруг раздались тяжёлые шаги, и дверь распахнулась с резанувшим по нервам скрипом. Плохо, что я её не вижу. Но передо мной сразу появился усатый шатен лет тридцати трёх. Высокий и крепкий физически, судя по размаху плеч. Человек передвигался плавно, а шум производили грубые сапоги до колен.

Гость бросил на меня взгляд, отвернулся и подошёл к столу. Потом его будто ударило током, и он с воплем подскочил ко мне:

– Барин! Николай Петрович, родной! А я уже совсем пал духом. Четыре дня, как ты в беспамятстве. Ещё и немчуря этот проклятый со своими ножами! Чуть всю кровь твою не сцедил, ирод!

Оказывается, теперь я прекрасно понимаю язык, на котором изъясняется вошедший. И он русский, только на нём разговаривали двести пятьдесят лет назад.

Мужик рухнул на колени и попытался поцеловать мою руку. Но затем одёрнулся, видно, боясь потревожить.

Ермолай, подсказала память. Мой дядька, то есть воспитатель, слуга и телохранитель в одном лице. Предан мне, как пёс, но имеет собственное мнение и старается оградить от соблазнов окружающего мира в меру своего понимания. В общем, насадка, как я его иногда называю. Я? Или прежний обладатель моего нынешнего тела? Скорее всего, теперь мы. Так как оба сознания слились в одно, то личность прежнего хозяина просто растворилась. При этом мне не хочется вспоминать прежнюю жизнь. Лучше буду отталкиваться от новых вводных и постараюсь не наделать глупостей, как в прошлом.

– Попить дай! И поесть бы.

– От я дурья голова! – подскочил дядька. – Сейчас!

Ермолай быстро налил из кувшина воды в чашку. В два глотка выпиваю всю воду и следом уничтожаю добавку.

Тёплая вода ухнула в пищевод, заставив желудок удовлетворённо заурчать. В горле тут же перестало першить, и вообще состояние сразу улучшилось.

– Фрау Эмме как раз поставила варить курицу. Я тебе скоро бульон принесу. Этот ирод, который доктор, сказал поначалу меньше кушать, а больше пить жидкого, – продолжил суетиться Ермолай.

Телодвижения дядьки заставили меня улыбнуться. Сейчас он напоминал наседку, насколько такое определение уместно в отношении здорового бойца, кем он на самом деле является. Вытирание моих соплей – это уже издержки профессии. Которые Ермолая особо не беспокоят. Хоть он не слуга, а наставник.

– Давай бульон, – согласился я, в чём сразу был поддержан заурчавшим желудком.

Дядька тут же вскочил.

– Ермолай, мне бы нужду справить, – тихо прошу дядьку, чувствуя, как краснею.

– Вот я дурень!

Мужик наклонился и зашарил под кроватью. Затем вытащил предмет, похожий на смесь горшка и больничной утки. После чего без всякой брезгливости помог мне опорожнить мочевой пузырь.

***

– Так всё и произошло. Я успел дотащить тебя до ближайшего дома, где сдаются комнаты. Благо фрау Эмме всё поняла и вызвала доктора. Вернее, этого коновала.

Ермолай закончил немного сумбурный рассказ о наших приключениях в городе Роттердаме.

За рассказом дядька скормил мне миску наваристого бульона и несколько кусочков куриного бедра. Отчего я малость осоловел. Но спать не хотелось, поэтому повествование пришлось в тему. Пока память даёт сбои, а многие детали требуют уточнения.

История моего ранения оказалась банальной. Будучи студентом Лейденского университета, я получил послание о смерти отца. Наверное, правильнее говорить о себе нынешнем в первом лице. Теперь это действительно моя жизнь. Пусть пока окружающая реальность выглядит необычно. Впрочем, удивление быстро проходит.

Относительно происшествия. После прочтения письма я сорвался из Лейдена в Роттердам. Доводы Ермолая о том, что до начала навигации на Балтике ещё далеко, мной не воспринимались. Я почему-то решил, что из крупнейшего порта Европы корабли до России ходят в любое время года. Умопомрачение, не иначе.

Понятно, что найти попутное судно не удалось. Зато получилось нарваться на неприятности. Порт – это не только корабли, но и целая инфраструктура, включающая в себя преступный элемент, наживающийся на матросах. Впрочем, последние отнюдь не агнцы божьи. Вот на такую пьяную компанию мы и наткнулись. Как итог – три трупа, один раненый и моя разбитая голова.

Это ещё хорошо, что дядька не растерялся и сразу пальнул из пистолета в лидера нападавших, изрядно смутив остальных. А потом нас неожиданно спас случайный прохожий. Хотя человек выбрал очень странное место для вечерних прогулок. Мы-то оказались там по необходимости. Вернее, по моей глупости. В результате невольный спаситель помог добить двоих особо активных матросов, прижавших Ермолая. Заодно оградил моё раненое тело от более серьёзных неприятностей. Но и сам прохожий получил ножом в грудь. Пусть рана оказалась несерьёзной, но ему тоже потребовалась помощь.

Так мы оказались в доме фрау Эмме Тилеманс, любезно предоставившей комнаты вечерним гостям. Она же вызвала доктора Грута, на проверку оказавшегося настоящим коновалом. А скорее, продуктом своего времени. Повязку он не менял, а просто осматривал рану, добавляя непонятной мази, руки тоже не мыл. Зато деньги эскулап брал немалые. Благо этого добра хватает.

Кстати, тело, куда занесло моё сознание, оказалось весьма примечательным.

Зовут меня Николай, и я единственный сын графа Петра Шереметева⁸ и Варвары Черкасской⁹. Возраст – двадцать один год, летом исполнится двадцать два. Холост. Недавно потерял отца, став круглым сиротой. Заодно получил в наследство богатейшее состояние России. Одних крепостных более ста тысяч. Это только мужского пола. Если брать всех, включая стариков и младенцев, то наберётся под шестьсот тысяч. Может, больше. Также в моём личном владении более десяти миллионов десятин земли. Если в гектарах, то более одиннадцати миллионов. Это примерно четверть площади Московской области образца XXI века. Неплохо! А ещё есть мануфактуры, заводы, рыбные промыслы, доходные дома и много всего по мелочам.

Добавьте к этому знание четырёх иностранных языков и блестящее по меркам этого времени образование. Просто баловень судьбы!

Ещё бы увидеть, как я выгляжу. Прежние воспоминания дают весьма смутную картину. Хотя если тебе принадлежат три процента нынешнего населения Российской империи, не считая куска земли размером с Ирландию, дорогущего имущества и прочих активов, то можно быть даже горбатым, хромоногим карликом почтенных лет. Отбоя от женщин не будет. Ха-ха!

Но при первой возможности надо посмотреться в зеркало. Тело у меня вроде в порядке, я бы сказал, спортивное. Сказывается увлечение фехтованием, конными прогулками и коньками. Ага, голландцы зимой уже катаются по своим каналам, заразив этим занятием молодого русского графа. Надо будет провентилировать, как в это время обстоят дела с лыжами. Тоже полезная для здоровья штука.

Пока же необходимо закончить одно важное дело. Всё-таки человек меня спас. Ну как «спас»? Мне кажется, что душа Николая тогда покинула тело или была остановлена появлением сущности из будущего. Хотя теперь уже всё равно. Думаю, сделанного не воротишь. Зато надо пообщаться и отблагодарить нежданного помощника.

– Зови своего немца, – приказываю дядьке.

– Чой-то он мой? – вскинулся Ермолай, изобразив обиду. – И вообще, чует моё сердце, никакой он не немец и не дворянин. Уж больно похож на проходимца. Ещё вино хлещет, аки лошадь, хотя вроде раненый.

Любит воспитатель такие сценки. Какой актёр юмористического жанра пропадает!

– Сомневаюсь, что кто-то способен тебя перепить. Или ты снова опустошил мои запасы вина и решил прикрыться немцем? – пытаюсь сделать строгое лицо и не улыбнуться.

Естественно, дядька отреагировал в своём экспрессивном стиле:

– Николай Петрович, да как я мог? Даже обидно! Опять ты на меня напраслину возводишь! Согласен, выдал немного вина немцу. Только для здоровья, как доктор Грут советовал. При потере крови – самое милое дело! Сам и не пил толком, всё больше у твоей постели дежурил.

У Ермолая аж усы встопорчились от якобы праведного возмущения. Только в его глазах скакали плутовские искорки. Понятно, бухали вместе с немцем.

---

⁸ Граф Пётр Борисович Шереметев (1713–1788) – генерал-аншеф, обер-камергер Императорского двора при Петре III и Екатерине II, сенатор. С 1780 года московский губернский предводитель дворянства. Владелец усадеб Кусково, Останкино, Вороницкая. Создал балетную и живописную школы, крепостной театр. В этой реальности граф умер раньше на пятнадцать лет.

⁹ Графиня Варвара Алексеевна Шереметева (урождённая княжна Черкасская; 1711 – октябрь 1767) – статс-дама Русского Императорского двора. Единственная дочь князя Алексея Михайловича Черкасского от его второго брака с княжной Марией Юрьевной Трубецкой. Варвара Алексеевна считалась самой богатой невестой в Российской империи, и с 1730 года за её руку началась борьба.

Глава 2

Февраль 1773 года, Роттердам, Республика Нидерланды.

– Разрешите представиться, – произнёс спаситель по-немецки, – Вальдемар фон Шик, дворянин из Нитры.

– Ты же... – влез в разговор Ермолай.

– Совершенно верно, – перебил дядьку гость, – моё словенское имя Владимир Шик, что не отменяет благородного происхождения.

– Каринтиец? – решаю блеснуть знаниями.

– Никак нет, словак, – обломал меня Владимир.

– Схизматик! – притворно скривился Ермолай.

– От схизматика слышу, – парировал Шик, даже не глядя на покрасневшего от возмущения дядьку.

На поверку немец оказался словаком и весьма примечательным персонажем. Высокий, но не такой массивный, как Ермолай. Судя по мощным запястьям и плавным движениям, передо мной отменный боец. Возраст лет двадцать восемь. Черты лица грубоватые, на правой щеке старый шрам. Волосы светлые, глаза голубые – типичный немец, словак или северный европеец. Таких типажей – большая часть Голландии и Германии. Разве что в глазах спасителя пляшут бесенята, как у дядьки. Не зря тот говорил о проходимце. Рыбак рыбака видит изда-лека. Но пока рано делать выводы. Время покажет.

– Хочу выразить вам огромную благодарность за спасение моей жизни, Вальдемар. Я отблагодарю вас финансово, даже не думайте отказываться. Если нужна иная помощь, то смело говорите. Постараюсь сделать всё, что в моих силах.

Понравилось, что фон Шик не страдал ложной скромностью. О его проблемах с деньгами намекала добротная, но потрёпанная одежда и такие же сапоги.

– Не буду скрывать, что нахожусь в затруднительном положении.

– Передашь господину фон Шикуну пятьдесят гульденов, – киваю Ермолаю.

– Дык.. Как... Того... Это ведь какие деньжищи! – дядька аж начал заикаться от возмущения. – На такие деньги дома можно семьдесят коров купить! Или двести св...

– Ты считаешь, что моя и твоя жизни стоят дешевле коров? – спрашиваю с иронией.

Воспитатель стушевался для вида, но продолжил ворчать:

– Я же говорил, что мы ещё страдаем от немчурь. Сто коров, триста свиней, шестьсот гусей...

Хорошо, что не три магнитофона и две куртки импортные.

– Спасибо! Вы очень щедры! Есть ещё один момент, – произнёс Вальдемар и вдруг ого-рошил меня вопросом: – Могу ли я отправиться с вами?

Меня нынешнего практически невозможно удивить. Воспитание, однако. По крайней мере, лицо я держать умею. Но просьба словака пробила броню моей невозмутимости:

– Зачем вам это? Мы возвращаемся в Россию. Это не самая приветливая страна в мире. Там холодно и точно не Эльдорадо.

Я не просто так упомянул сказочную страну, разыскиваемую конкистадорами. Вальдемар щеголял тропическим загаром, который ещё не сошёл. Значит, он недавно вернулся из плавания в Новый Свет или Африку. Дальнейшие слова немецкого словака подтвердили мои подозрения:

– Последние два года я служил в войсках Голландской Вест-Индской компании. Из-за конфликта с губернатором Синт-Мартена мне пришлось вернуться в Европу, разорвав контракт. Оттого и стеснение в средствах, – после небольшой заминки ответил Шик. – А сейчас ходят слухи, что меня и ещё нескольких человек хотят обвинить в преступлениях, которые мы

не совершали. Прошу понять правильно, я не ангел. Но есть деяния, которые недопустимы. Не буду вдаваться в подробности, но мне лучше покинуть Нидерланды, пока из Нового Света не прибыл комиссар, отправленный Гаагской палатой компании. С учётом того, что он родственник моего врага, решение суда очевидно. Если до него дойдёт дело. Я в спешке покинул Гаагу, надеясь перебраться в Антверпен. Но в Роттердаме меня обворовали. В итоге оставалось ждать быстрого найма на любой корабль. Я как раз возвращался от одного капитана, когда увидел, что на вас напали матросы. Далее вы знаете.

Так он ещё и пират! Только с принципами. Забавно. Вроде опасный субъект, с которым надо быстрее расстаться? Но я почему-то верю, что Вальдемар-Владимир не душегуб и не подлец. Авантюрист и баламут – даже не сомневаюсь. Однако всё равно сомнительный товарищ.

Один момент не позволил мне отказать спасителю. Судьба графа Шереметева, то есть моя, сделала резкий поворот. Ранее молодой человек находился за спиной отца, являвшегося не только богатейшим человеком страны, но и опытным царедворцем. Пётр Борисович умел находить общий язык со всеми придворными группировками и пользовался милостью императрицы.

А теперь давайте рассмотрим ситуацию с другой стороны. По факту мы имеем двадцатидвухлетнего юнца, последние четыре года жившего за границей и далёкого от российских реалий. Думаю, за мою тушку уже развернулась нешуточная борьба, как только стало известно о смерти старшего Шереметева. И это нормально. Проблема во мне нынешнем. Смогу ли я избежать ошибок и конфликтов? Думаю, нет. Что приведёт к обострению отношений с влиятельными людьми. В ответ могут последовать любые санкции.

Даже если я не прав, мне постараются навязать своих людей. А если у тебя есть команда, то легче отказываться от предложений помочь. Да и спокойнее, когда ты сам формируешь окружение. Я ведь не буду сидеть ровно, наслаждаясь богатством. Глупо получить огромные ресурсы и ничего не сделать для страны, обладая знаниями будущего.

Пусть у меня нет инженерного образования, но я владею колоссальным преимуществом. Мне известно направление развития науки и техники, а также тупиковые ходы. Такая информация стоит миллионы, если не миллиарды. Причём по сегодняшнему курсу. И это конфликт интересов в будущем. Нельзя недооценивать нынешних хозяев России и Европы. Значит, нужны не только единомышленники, но и боевое крыло, вроде охраны со службой безопасности. Чего-то меня понесло в далёкие дали.

Торопиться нельзя. Сначала необходимо вжиться в новую реальность, понять процессы, происходящие в русском обществе, обзавестись нужными связями и потом действовать. Но начинать формировать свою команду надо уже сейчас. И такие люди, как словак, не имеющие в России опоры и родни, подходят больше всего.

– Расскажи немного о себе. Мне не нужны тайны, а просто твой жизненный путь, – прошу авантюриста, приняв решение.

А неплохо так его побросало. Фон Шик оказался бастардом, что неудивительно. Он получил кое-какое образование, но после дуэли сбежал из Пражского университета на Военную границу Австрии, где стал граничаром¹⁰. Это типа наших казаков. Хлебнув воли на фронтире и неплохо повоевав, Вальдемар перевернул эту страницу своей жизни. Сначала он немного поплавал на венецианском купеческом корабле, потом оказался в Гааге. Оттуда непоседа отправился сначала в Африку, а затем в Новый Свет, где формально охранял владения Вест-Индской компании.

По факту словак совершал набеги на конкурентов, ловил беглых рабов или занимался контрабандой. Последнее являлось основным промыслом голландцев, поставлявших товары в

---

¹⁰ Граничары – обобщенное название пограничников и иррегулярных войск в Австрии, основного населения Военной границы Габсбургской империи (сербов и хорватов).

испанские колонии, пухнувшие от золота и серебра. Метрополия неспособна обеспечить свои владения всем необходимым. Уж больно слаба испанская экономика. Поэтому нишу заняли англичане, голландцы и французы. Естественно, соперники периодически воевали друг с другом, и колониальным войскам постоянно требовалось пополнения.

Ещё наш герой оказался острым на язык и не терпел откровенной несправедливости. Отчего ему часто доставалась от начальства, которое он продолжал высмеивать. Иногда в стихотворной форме. За что его любили сослуживцы, а командование злилось только сильнее. Зачем с такими талантами идти в армию? Даже сейчас Шик умудрился кратко пересказать свои приключения в юмористической форме.

– Так он скоморох? – не выдержал Ермолай, обратившись ко мне. – Послал же бог спасителя.

Дядька демонстративно перекрестился, с жалостью глядя на Вальдемара. Тот снова не обратился на эскападу никакого внимания.

– А ты у нас известный паяц, по которому театр плачет. Считаю, что вы нашли друг друга, – отвечаю Ермолаю с улыбкой.

– Тебе, вашси, всё обзывать. Слабого каждый обидеть норовит, – надулся дядька, что выглядело комично.

«Вашси» – это он так сокращает «ваше сиятельство».

– Устал я, в сон клонит, – игнорирую лицедейство наставника. – Вальдемар, считай, что ты принят. Условия обговорим завтра. А пока отдай долги, если они есть, и перебирайся к нам.

***

– Пожаловал господин статхаудер, – обрадовал Ермолай через день.

Мне стало лучше, и я даже начал строить планы на дальнейшие действия. И вдруг странный посетитель.

– Кто? – быстро потрошу свою память, но безуспешно. – Я не знаю людей с такой фамилией.

– Это должность. Так называют главу местной полиции, – пояснил, прыснувший дядька.

– Ты чего ржёшь? Небось, по вашу душу пришёл, – сразу приходит понимание случившегося. – Вы разве не оформили все документы после происшествия?

Чую, что начинаю немного злиться. Хотя мне интересно пообщаться с представителем местного МВД.

– Когда? Всё закрутилось, а потом я подумал, что так пройдёт, – заюлил Ермолай и вдруг нашёл крайнего: – Это чёртов доктор Грут наябедничал. Как его взашей прогнали, так немчура затаил обиду. Он ведь хотел нас и дальше доить, как корову.

От услуг коновала я действительно отказался. Рана Вальдемара оказалась неопасной, хоть вначале воспалилась. У меня же обычное сотрясение мозга, пусть и тяжёлое. Ещё наличествует большая шишка. Думаю, я более эффективен в качестве врача для таких травм, чем этот мутный тип.

Кстати, именно под моим руководством наши со словаком раны обмыли спиртом, и поменял повязки на новые. Ага, этанол в этом времени есть. Его используют для изготовления настоек. Это дядька нас просветил, после того как сбегал в лавку аптекаря. А вот йода здесь нет, как и множества полезных для медицины мелочей. Что заставило меня задуматься об их внедрении.

– Мы убили трёх человек, дурень! Надо было сразу идти в полицию! – возвращаюсь к разговору с Ермолаем. – Ладно, чего сейчас рассуждать. Зови этого стаффорда.

– Статхаудера, – поправил дядька и быстро покинул комнату.

Главным полицаем Роттердама оказался высокий и тучный мужчина средних лет по имени Рембрандт Зондеркоп. Когда я услышал эту комбинацию, то чуть с кровати не сва-

лился и еле удержался от смеха. Дело в том, что фамилия гостя переводится как «Безголовый». Имячко тоже интересное, живописное.

Но тыковка у мужика оказалась на месте. И, несмотря на красное лицо хронического алкоголика, она неплохо варила. Особенно в финансовой сфере. Что логично – вокруг торгашеская республика.

После положенных приветствий мы сразу приступили к беседе. Вернее, сначала полицай с радостью согласился отведать вина, быстро опрокинув бокал красного. Затем жадно посмотрел на початую бутылку, но сдержался. Я думал, статхаудер попросит добавки. Однако мужик взял себя в руки.

– Ваша Светлость, – начал гость хриплым голосом, – по настоянию капитана ван Бюрена с «Дордрехта», а также руководства порта моё ведомство провело расследование. В результате выяснилась весьма неприятная картина. Ваши люди убили троих матросов. Оставшиеся в живых из компании, с которой у вас произошла ссора, утверждают, что они стали жертвой нападения.

Выпив ещё бокал, минейр¹¹ Зондеркоп пустился в пространное объяснение сложившейся ситуации. Конечно, голландцы прекрасно понимают, кого ранили, и сочувствуют. Врут, ну и хрен с ними. Проблема оказалась в капитане. Он лишился опытного рулевого, а ещё один его хороший матрос ранен. Двух покойников ему не жалко, тем более они иностранцы. Только проткнутый Шиком специалист по вращению штурвала оказался местным, ещё и из уважаемой семьи.

Рембрандт допил вино и немного снизил темп плетения словесных кружев. Какой талантливый оратор! Ему надо в депутаты или пробовать писать. Я аж заслушался. Поняв, что пора отвечать, посылаю пробный шар:

– Ваши матросы чуть было не убили меня и ранили моего человека, – показываю рукой на повязку. – Но в знак своего расположения и учитывая обстоятельства, предлагаю пятьдесят гульденов семье, оставшейся без кормильца.

Зондеркоп изобразил такое возмущение, будто я предложил ему какое-то непотребство. Ещё один замечательный актёр! Не зря говорят, что весь мир театр.

– Хорошо! Семьдесят гульденов семье и двадцать в дар магистрату, – машу рукой, принимая правила игры.

– Четыреста и двести, а ещё надо договориться с капитаном, вынужденным перед открытием навигации искать ценного помощника, – проскрипел полицай, окинув мою скромную обитель жадным взглядом.

Не обнаружив вина, он вперил в меня свои мутные глаза. Зато сразу возбудился Ермолай. Он аж подпрыгнул от возмущения, но промолчал. Дядьку остановил мой насмешливый взгляд. Ведь это его косяк.

– Сто и пятьдесят. Касательно капитана, то пусть уймётся. Это его пьяная матросня напала на меня, а не наоборот, – возвращаю подачу статхаудеру.

Удивительно, но голландец не захотел идти на разумные уступки. Или посчитал моё поведение слабостью.

– Триста и двести, а сумма для капитана будет разумной.

– Пятьдесят и двадцать пять. На вашего капитана я плевать хотел. Поэтому дождусь суда. Мне торопиться некуда, а высвободившиеся средства я потрачу на лучших амстердамских адвокатов, заплачу газетчикам и натравлю на вас русского посла князя Голицына. Кстати, он мой родственник. Поверьте, я могу быть принципиальным и жестоким. Денег у меня хватает, поэтому процесс продлится долго. Более того, ван Бюрен никуда не поплывёт, а примет уча-

---

¹¹ В Нидерландах к мужчине обращаются «манеер/минейр», к замужней женщине – «фрау», к незамужней девушке – «мефрау».

стие в разбирательстве. Говорят, голландские судьи неподкупные и принципиальные. Вот и посмотрим, кто победит.

На этот раз полицай задумался. По его роже и глазам сложно прочесть, волнуется он или нет. Думаю, да. Зачем Зондеркопу проблемы с капитанами и магистратом? Роттердам живёт с порта, лобби купцов и судовладельцев здесь очень сильно.

И я не зря упомянул Дмитрия Алексеевича Голицына. Князь – дипломат европейского уровня и очень уважаем среди разных кругов голландского общества. Он может повлиять на ситуацию и дать ей ненужную огласку. И мы действительно родня, только дальняя.

Судя по тому, что Рембрандт завис, надо ускорить его мыслительный процесс.

– Открой минейру Зондеркопу ещё бутылку испанского красного, – приказываю дядьке, а затем вопросительно смотрю на гостя: – Может, лучше портвейн?

Когда полицай услышал про выпивку, его глаза вдруг прояснились и заблестели. Только как понимать его отмашку? Словами он её не сопроводил.

– Открывай обе бутылки, – теперь уже я машу Ермолаю.

Тот грустно вздохнул и вышел из комнаты. Но появился буквально через минуту. Тоже в своём роде талант.

Голландец сделал добрый глоток, ополовинив бокал, и на мгновение зажмурился от удовольствия. Оказывается, он способен проявлять эмоции.

– Так на чём мы остановились, уважаемый граф? – наконец произнёс гость.

В общем, мы договорились. Торги прошли весело и задорно. Я же говорю, что здесь всё пропитано духом торгашества. Полицейский вроде взятку не берёт, но отжал пятьдесят гульденов для магистрата. Которые наверняка поделит с бургомистром. Ещё столько же пойдёт семье убитого матроса. Проблемы капитана и двух мёртвых немцев никого волнуют.

На самом деле я больше развлекался, чем торговался. А то валяешься два дня в кровати, пялясь в потолок. Читать в моём состоянии не рекомендуется, а нытьё Ермолая малость утомило. Дядька возмущается новым членом нашей команды, его высокой зарплатой и моей расточительностью. Шик мотался по своим делам, раздавая долги, заказывая одежду с обувью, закупая оружие и прощаясь со своей местной пассией. Вот меня и охватила скука.

В итоге мы с минейром Зондеркопом расстались довольные друг другом. Особенно голландца порадовал бонус в виде трёх бутылок, недавно привезённых из славного города Порто. Надо было видеть, с какой трагической миной дядька расставался с портвейном. Кругом одни актёры.

Глава 3

Март 1773 года, Лейден, Республика Нидерланды.

– Надо было послать письмо Антипу. Пусть бы собрал вещички и ехал в Роттердам. Чего таскаться по здешним ветрам и сырости? – продолжил ворчать Ермолай, когда мы разгрузались возле арендуемого мной дома.

В пути дядька молчал, поняв, что лучше меня не трогать. Езда по местным дорогам после сотрясения – то ещё удовольствие. Меня укачивало и тошнило. Но я держался. Благо ехать до Лейдена недолго, всего пятьдесят вёрст. Мы один раз сменили лошадей на станции и добрались до университетского городка всего за двенадцать часов, включая две остановки на обед.

Шик умудрился проспять всю поездку, выводя затейливые рулады и одаривая нас лёгким запахом перегара. Впрочем, пили здесь почти все, а пахли так, что лучше не обращать на это внимание. Иначе тошнота и рвота станут моими вечными спутниками.

– Нужно поговорить с Яном и Робером. Мне тоже неохота тащиться сюда, тем более в таком состоянии, – проясняю диспозицию усатому репыю.

– Два мечтателя и нахлебника! Причём у обоих хорошее ремесло в руках. Но оба предпочитают болтать и своё вино пить, – дядька припечатал моих приятелей. – Вашси, почему не знаться с достойными и благородными людьми? Благо в университете таких хватает. А ты хороших компаний сторонись. Зато всяких баламутов привечаешь!

В чём-то Ермолай прав. Мой лейденский круг общения ограничен. Нет, я периодически посещаю пирушки и различные студенческие сборища. Просто предпочитаю библиотеку, научные диспуты и дополнительные лекции. Я, вообще-то, приехал в Европу учиться и достиг немалых успехов. Преподаватели юридического факультета отмечали мои достижения. Кроме законотворчества, меня интересовали математика, химия и финансы. Благо здесь можно посещать различные лекции или покупать конспекты, когда не совпадает расписание. А ещё неплохим подспорьем в обучении служили диспутации, где студенты регулярно защищали свои тезисы перед другими учащимися и учителями. Что-то вроде защиты диссертации моего времени, но более эмоционально. Ведь в споре рождается истина. Они проводились несколько раз в месяц и собирали немало участников. Очень полезное закрепление пройденного материала.

Поэтому я больше общался с так называемыми ботанами, а не с представителями знатных фамилий. Дядька такого подхода не понимал, поэтому постоянно ворчал. К чему я давно привык.

По возвращении в Лейден я оставил Ермолая с Шиком на хозяйстве и решил пройтись по территории университета. Всё-таки ему отдано три лучших года моей жизни. Может, не самых насыщенных, зато продуктивных. Учиться вообще полезно. Пусть мне удалось закончить всего пять полноценных семестров, но с учётом полугода в Сорбонне это неплохо. Думаю, в нынешней Российской империи нет законника и финансиста сопоставимой квалификации. Понятно, что нужна практика, но это дело наживное. Зато какой простор для воплощения любых идей! Ведь есть ещё знания будущего. От перспектив аж дух захватывает!

«Манифест о вольности дворянства», вышедший одиннадцать лет назад, освобождает меня от любой службы и повинности, кроме обязательного получения образования. Ещё русский правитель может особым указом привлечь дворянина к земским делам или работе в Сенате. Что больше касается людей опытных и уже послуживших государству. Мне даже не надо платить налоги, кроме экспортных пошлин. Надо будет на месте разобраться, как обстоят дела с производством и торговлей. Думаю, там есть определённые ограничения. В противном случае дворяне давно бы подмяли под себя всю экономику. Либо ушлые купцы начали массово оформлять предприятия на подставных людей из правящего сословия.

Пока меня подобные вопросы не волнуют. Я прощаюсь с частью своей жизни, бродя по узким улочкам города и между учебных корпусов. На улице пасмурно, хоть и не дождливо, поэтому окружающие здания выглядят мрачно. Зимой деловая активность в Лейдене замедляется. Тем более после сдачи сессии с двадцать первого февраля по первое марта у студентов каникулы. Состоятельный народ быстро разбредается по стране, дабы провести время в кругу семьи. А торговцы, купцы, перевозчики и трактирщики с нетерпением ждут возвращения клиентов.

Но есть в этом и светлая сторона. Можно спокойно побродить по любимым местам без необходимости отвечать на приветствия знакомых или общаться с ними. Не сказать, что Лейден является образцом архитектурной мысли и сказочно красив. Зато он уютен и обаятелен. Каналы, мосты, кирхи, парк, здание магистрата, вращающиеся недалеко от города лопасти мельницы – это тоже часть моей жизни. Поэтому хочется взглянуть на всё ещё раз. Возможно, я прощаюсь с городом навсегда.

Кстати, местный университет не просто старейшее учебное заведение страны, но в некотором роде уникальное учреждение. В Лейдене обучение бесплатное. Ага, когда я об этом узнал, то был несказанно удивлён. Однако при углублённом изучении ситуации всё становится на свои места.

Общежитие в университете не предусмотрено. Значит, надо снимать как минимум комнату, цены на которую кусаются. Добавьте к этому деньги на питание, покупку книг и конспектов лекций. Да, многие студенты поступают в ВУЗ после начала семестра и вынуждены догонять. Состоятельные ученики нанимают репетиторов, дабы лучше усвоить материал. Этим пользуются и студенты, желающие получить более углублённое образование. Я не исключение и в первый год накопил лекций, дабы догнать курс. А затем начал уже выборочно нанимать нужных учителей для дополнительных занятий. По итогу сумма расходов оказалась внушительной.

Вот и получается, что для студента год пребывания в университете равен примерно пяти-шести окладам местных преподавателей. Поверьте, это много для обычного мастерового или лавочника. Поэтому здесь учатся дети богатых родителей или бедняки, нашедшие спонсоров. Богатые купцы, гильдии и общины часто готовят для себя кадры, направляя молодых людей получать нужную специальность. В основном это касается юридического и медицинского образования.

Естественно, в ВУЗе много иностранцев. Например, сюда активно едут угнетаемые во Франции гугеноты, немцы из близлежащих протестантских княжеств, шотландцы и датчане. И, конечно, иностранцы вроде меня из более дальних стран. Католиков здесь не преследуют, но им не рады. К православным голландцы относятся более доброжелательно. Поэтому в Лейдене есть небольшая греческая диаспора из фанариотских семей Константинополя. Русских меньше, но несколько человек тоже учится.

Наши в Лейдене чаще выбирают медицинский факультет. Поэтому студенты в основном происходят из купеческого сословия и посадских людей, меньшинство является мелкопоместными дворянами. Знать предпочитает более статусный Лейпциг, что в Саксонии. А ещё моих соотечественников в Нидерландах почему-то держат на голодном пайке. Каждому студенту выплачивали содержание размером в триста пятьдесят рублей или сто семьдесят гульденов. «Саксонцам» же полагается стипендия в восемьсот рублей.

Для понимания ситуации: аренда комнаты без дров, еды и услуг прачки стоит примерно тридцать – пятьдесят монет. В год, конечно. Понятно, что ребята снимают жильё в складчину. Ведь нужны ещё книги, одежда и питание. Поэтому все сразу начинают подрабатывать. Некоторым повезло устроиться помощниками к местным докторам. Не бог весть что, зато практика и обед за счёт нанимателя. Для студента из бедной семьи – отличное подспорье.

Поэтому я сразу взял соотечественников под крыло, обеспечил нормальной едой, организовав общую столовую. Заодно попросил всех работать строго по будущей специальности. Пусть в местной больнице и соседней Гааге платили сущие гроши. Но это лучше, чем разгружать телеги и выполнять другую чёрную работу. Я даже выделил студентам транспорт, чтобы они спокойно ездили в упомянутую Гаагу, расположенную в пятнадцати вёрстах южнее. Для меня это копейки, а государству в будущем польза!

Из одиннадцати лейденских русских ближе всех я сошёлся с Григорием Соболевским¹². Он обучался в Нидерландах уже семь лет, являлся лидером русской диаспоры университета и пользовался уважением преподавателей. Иностранцу сложно добиться подобного, что дорого стоит.

С ним я сначала и встретился в университетской библиотеке. Гриша занимался в пустом зале, обложившись книгами. Поразительный человек! Именно он стимулировал меня на учебные подвиги. Тепло поприветствовав тридцатидвухлетнего студента, я предложил ему прогуляться. А то наши зубрилки часто забывают о необходимости делать перерывы. Только голод выгоняет фанатов науки из учебных корпусов.

– Каникулы продлятся ещё три дня. Вы же не отрываетесь от книг. Поверьте, надо разбавлять чтение и заниматься другими делами. Это полезно для организма и усвоения знаний, – произношу, укоризненно глядя на Соболевского.

– Понимаю. Только сейчас в помещении пусто и можно подумать над будущей диссертацией. Других дел у меня особо нет. Но мы не забываем о ваших наставлениях и периодически совершаем прогулки.

– Я вскоре покину Нидерланды и вернусь в Россию, – Григорий кивнул, зная о моём отце. – У меня есть вопрос, но перед этим прошу вас принять небольшой дар. Это вексель на полторы тысячи гульденов. Также я оплатил комнаты русских студентов на ближайшие два года.

– Ваше сиятельство, это слишком много! И вообще... – растерялся собеседник.

– Для одного человека – может быть. Но наших в Лейдене десятков, и восемь из них испытывают нужду в средствах. Остальные тоже не Крезы. А я считаю, что студент должен учиться и не забивать себе голову мыслями, чем он будет питаться вечером. Удивительно, что этого не понимают в Медицинской коллегии, выплачивая вам недостаточно средств, ещё и с задержками, – в моём голосе прорезались злые нотки, удивившие Соболевского. – Я хочу написать об этом послу Голицыну. Пусть попробует изменить сложившиеся обстоятельства. Впрочем, сейчас речь о другом. Что вы думаете о Яне?

Григорий удивился столь быстрой смене темы, ещё и моим эмоциям. Прежде я не позволял себе критиковать русскую власть. А сами студенты переносили лишения стоически. В Лейдене собрались настоящие фанаты своего дела.

– Господин ван дер Хек – один из самых толковых студентов на нашем факультете, – дипломатично начал Григорий. – Но Ян слишком увлекающаяся натура, не признаёт никаких авторитетов, пытается искать новые пути в лечении, оттого постоянно конфликтует с преподавателями. Он ведь ещё и католик, что усугубляет отношение местных протестантов. Только покровительство профессора Гаубиуса, удерживает декана от отчисления нашего фламандца.

Примерно такое же мнение в отношении уроженца Австрийских Нидерландов, будущей Бельгии, сложилось и у меня. Йоханесс Клаас ван дер Хек оказался бунтарём в хорошем смысле этого слова. К своим двадцати трём годам он отучился уже восемь лет. Защитил одну диссертацию по хирургии и пытается писать следующую, преодолевая сопротивление местных ретро-

---

¹² Григорий Фёдорович Соболевский (1741–1807) – российский ботаник и фармаколог. Отец инженера-конструктора, ученого – химика и металлурга Пётра Григорьевича Соболевского.

градов. Вероисповедание сейчас имеет немалое значение. И оно стало яблоком раздора между талантливым фламандцем и голландцами.

При этом Йоханесс почему-то предпочёл Лейден родному Лёвену с его более старым католическим университетом. Зачем столько лет мучиться и бороться с мракобесами? Не знаю. Возможно, здешний медицинский факультет лучший в мире. Или дома ещё более твердолобые учителя.

Мы немного погуляли и договорились переписываться. Нельзя терять контакты с таким интересным человеком. Григорий уже сейчас готовый фармаколог высшего класса. В России дефицит таких людей. Да и другие студенты обладают немалыми талантами. Буду поддерживать их после окончания учёбы. Чую, что при нынешнем отношении со стороны чиновников это жизненно необходимо. Прощаясь с доктором, мы договорились обмыть мой отъезд в трактире, когда все наши вернутся. Далее дорога вела меня в здание медицинского факультета.

В трёхэтажном корпусе тоже было тихо. Только на входе я столкнулся с двумя работниками, тащившими доски. Звуки моих шагов гулко отражались от стен. На фоне потушенных ламп обстановка напоминала какой-то дешёвый фильм ужасов. Будто сейчас из-за угла выскочит мужик с топором или бензопилой. Брр! Какая муть лезет в голову.

Ян обнаружился в лаборатории, как и ожидалось. Времена вроде другие, но помещение, наполненное склянками, колбами и коробочками с реагентами особо не отличается от будущего. Разве что мебель иная и нет электрического света. Зато наличествует молодой человек со включенными светлыми волосами и горящими глазами. Исследователь что-то нервно записывал, скрипя гусиным пером и не обращая внимания на множество клякс. Настоящий безумный учёный из фильмов. Чего-то меня сегодня тянет в кинематографическую тему. По идее, лучше навсегда забыть о таких вещах, как телефоны, телевизоры и интернет. В целом, моё новое сознание работает странно. То я вообще не вспоминаю о прежней жизни, а то из меня просто лезут воспоминания. Наверное, новая личность пока формируется.

– Главное – не взорви лабораторию, а вместе с ней весь корпус, – указываю на горящую спиртовку.

Ван дер Хек даже не заметил, как скрипнула дверь и в помещении появился гость.

– Граф! Это вы? – улыбнулся учёный, заморгав красными глазами. – Вроде говорили, что вы уехали в Россию. А... Прошу прощения, у вас же несчастье.

Киваю на слова фламандца и прохожу внутрь. В лаборатории пахнет химией и царит творческий беспорядок. При этом Ян всегда убирает за собой после окончания исследований. Просто во время работы он увлекается и забывает об окружающем мире.

– Уделишь мне несколько минут? – после кивка доктора, кладу на стол небольшой свёрток. – Мне нужна тёплая вода.

Йоханесс такой человек, которого бесполезно уговаривать или что-то объяснять. Он согласится для виду, но будет дальше заниматься своими делами. Однако его можно заинтересовать новыми знаниями, особенно показанными на практике.

Поэтому он сразу бросил свои записи, кинувшись искать нужную посуду. После небольшой суеты и чертыханий фламандец поставил тару на огонь.

Пока вода грелась, я обозначил учёному условия:

– Предупреждаю сразу. Если ты откажешься от моего предложения, то дашь слово в течение десяти лет не делиться полученными знаниями.

Немного подумав, ван дер Хек кивнул.

Соглашусь, это жестоко. Однако у меня есть уверенность, что Ян сдержит слово. Несмотря на разгильдяйский вид, он честный человек.

Когда всё было готово, я проверил, не слишком ли горячая вода, и вскрыл свёрток. Там лежало тонкое полотно, обильно посыпанное гипсом. Ермолай долго ворчал, но нашёл нужный порошок у строителей. По мере моих манипуляций, глаза Яна начали движение в сторону лба.

– Засучи рукав и дай руку!

После моего приказа фламандец засуетился и чуть не оторвал деревянную пуговицу. А я начал макать полотно в воду и накладывать повязку. Было забавно смотреть на удивлённого экспериментатора, пытающегося понять происходящее действо. Мне приходилось сдерживаться, чтобы не рассмеяться.

Когда всё было закончено, я сполоснул руки в чаше с чистой водой и протёр их куском полотна, прихваченным с собой. Скажем так, с гигиеной в этом времени сложно. У того же Яна руки постоянно испачканы чернилами, составами для лекарств и реактивами. Он их вроде моет, но как-то бессистемно. А ведь врач обязан следить за такими вещами, дабы не занести заразу в рану пациента. Об этом я ему расскажу позже.

– Ждём! – произношу загадочно и сажусь на единственный свободный стул, одиноко стоящий в углу лаборатории.

Ван дер Хек спокойно ждать не умел, поэтому весь извёлся, осматривая повязку, даже попробовал на вкус гипсовый порошок и долго теребил полотно.

– Думайте, Йоханесс, – решаю подлить масла в огонь.

Фламандец увеличил активность, забросал меня вопросами, на которые не получил ответов, и снова начал манипуляции с порошком. Примерно через двадцать минут, я решил заканчивать спектакль.

– Постучи по повязке.

Ян быстро проделал требуемое при помощи ножа для вскрытия писем, и снова вопросительно посмотрел на меня.

– А теперь представь, что мой состав используется вместо шины при переломе конечностей.

Наблюдать за фламандцем стало смешнее, и я захохотал в голос. Все циклы понимания происходящего отражались на его растерянном лице.

– Но ведь это гениально! Граф, откуда у вас этот метод? Он должен просто взорвать медицинское сообщество! Мы должны немедленно ознакомить професс...

– Слово! – прерываю восторги Яна. – Ты дал мне слово!

Фламандец не сразу, но сообразил, о чём речь. К моему удивлению, он сразу перешёл на деловой тон:

– Что от меня потребуется?

– Ты поедешь со мной в Россию, где доведёшь раствор до ума и начнёшь применять его на больных.

Услышав мои слова, Ян приуныл, пришлось добавить наживки:

– Также в твоём распоряжении будет лаборатория, ученики, возможность проводить любые исследования и практически неограниченное финансирование. Диссертацию же можно защитить и в Санкт-Петербурге. А ещё я расскажу, почему Парацельс требовал использовать для ран только чистые повязки и регулярно их менять.

Всё-таки учёные – больные люди. Ван дер Хек пропустил информацию про лабораторию и неограниченный бюджет мимо ушей. Но чуть не подпрыгнул, услышав о возможности прикоснуться к знаниям великого швейцарца.

– Я согласен! – Ян затряс патлами, снова вызвав у меня улыбку. – И готов записать, что говорил Парацельс.

– Не спеши, мой друг, – пытаюсь успокоить разошедшегося фламандца. – Заканчивай свои дела и собирай вещи. Через три дня мы отправляемся в Роттердам. Мне надо попрощаться с учителями и русскими студентами. А про наставления Парацельса я не только расскажу, но и объясню на собственном примере.

Показываю на повязку, стягивающую мою голову.

***

Оставив задумавшегося исследователя, я отправился на конюшни минейра ван Римса. Точнее уважаемый бюргер является хозяином самой настоящей транспортной компании, владея лошадьми, колясками и возами, осуществляющими весомую часть городских перевозок. В мастерской по ремонту повозок этого холдинга и работает нужный мне человек.

Робер Эмануэль дю Пре происходит из знатного гугенотского рода, покинувшего родину двадцать лет назад. Вообще, судьба протестантов Франции для меня загадка. Скорее я не понимаю глупости и упрямства тамошних властей. Пройдя череду гражданских войн, организовав Варфоломеевскую ночь, добавив Нантский эдикт Людовика XIV в прошлом веке, французские правители не успокоились. Двадцать лет назад они усилили дискриминацию, решив полностью уничтожить протестантство в стране. Естественно, угнетаемые люди массово подались в эмиграцию.

На минуточку, в Европе сейчас эпоха Просвещения. То есть процветают культура, наука, философия и свободомыслие. Абсурдность ситуации в том, что именно Франция является лидером новой общественной формации.

Недавно я читал интересную статью о потерях, которые понёс Париж. Ведь из страны бежали наиболее работающие, толковые и честные люди. Именно гугеноты за последние сто пятьдесят лет укрепили Пруссию и другие немецкие государства, принеся с собой деньги, идеи, культуру и технологии. А как радовались голландцы! Эти не скрывали колоссальной прибыли во всех сферах, полученной после переселения гонимых братьев по вере. Даже будущие Канада с ЮАР многим обязаны гугенотским семьям, бежавшим и на другие континенты.

Меня мало волнует европейская политика. Зато интересуется один конкретный французский протестант. Робер чем-то похож на Яна. Он уже написал диссертацию по механике, даже начал преподавать в университете. Однако все его помыслы связаны с постройкой повозки нового образца. Чем его и увлёк владелец компании, по сути задурив молодому человеку голову. Ван Римс использовал навыки гугенота, не забывая кормить того завтраками, обещая построить полноценный каретный цех. История затянулась на два года. Только купец продолжал богатеть благодаря талантам дю Пре, откладывая расширение бизнеса. Но дю Пре не дурак и уже задумал сменить место работы.

А ведь Робер не просто механик. Он настоящий инженер, отучившийся в Лейдене более восьми лет и имеющий огромный практический опыт. Слишком жадный голландец обманул сам себя. Вложи он немного денег в идеи гугенота и начал бы получать отличную прибыль.

Как многие уроженцы Руана и вообще Нормандии, дю Пре был светловолос и голубоглаз. В остальном он являлся полной противоположностью высокому, худому и нескладному Яну. Робер этакий невысокий атлет, коренастый, с широкими плечами и мощными запястьями. Не зная, что он благородный человек с высшим образованием, его легко спутать с кузнецом. Не хватает только бороды и опалин на коже.

После приветствия я быстро окинул мастерскую взглядом. В отличие от фламандца, француз был педантом и аккуратистом. Помещение просто сверкало чистотой, а все вещи располагались по своим местам. Снятое с коляски колесо с деталями лежало на большом столе, выполняющем роль верстака, а инструменты разместились в специальном ящике. Думаю, он даже в туалет ходит по расписанию, составленному на месяц вперёд.

– Робер, я покидаю Нидерланды и возвращаюсь в Россию, – начинаю разговор без раскочки, – и хочу, чтобы ты поехал со мной.

– Что я там буду делать? Не обижайтесь, граф. Только ваша страна сильно отстаёт в развитии механики, – с присущей ему откровенностью ответил гугенот. – Боюсь, я не смогу мастерить различные безделушки на потеху русским аристократам. Мне нужно настоящее дело, а оно возможно только в Европе. Думаю, вскоре мне придётся перебираться в Англию, если не получится с тем купцом из Амстердама. Впрочем, вы об этом знаете.

– У тебя здесь есть бумага и перо?

Буквально через две минуты механик освободил стол, постелил на него скатерть и достал письменные принадлежности.

Хорошо, что я немного потренировался писать с учётом изменившихся обстоятельств. Вроде моторика тела осталась, но необычно орудовать пером, такая его в чернильницу.

Собираюсь с мыслями и нанюшу на бумагу хорошо знакомый механизм. Приходилось заниматься ремонтом автомобилей в армии, ещё я увлекался историей, в том числе различной техники. Поэтому пусть и коряво, но нарисовал схему простейшей рессоры. Сейчас в каретах и возах используются кожаные ремни или убогие прототипы нормальной ходовой. Прокатившись недавно по отличному голландскому шоссе, я понял, что долго такое издевательство не выдержу. А в России с дорогами просто швах. Плюс надо двигать научно-технический прогресс вперёд. Пусть пока для моего личного пользования.

– Что это? – спросил Робер, стараясь сохранять спокойствие

– Сей механизм называется «**ressort**», то есть пружина. Не мне учить тебя французскому, – произношу со смешком. – Его придумал один умерший мастер, чьи бумаги я совершенно случайно увидел в Париже. Понимаю, что здесь работы на многие годы. Но я готов выделить любую сумму, инструменты и людей для ускорения производства колясок с новым ходовым механизмом.

Дю Пре некоторое время переваривал необычные термины, не отводя взгляда от чертежа.

– Потребуется металл особой закалки и множество экспериментов, которые займут много времени, – произнёс гугенот, чем сразу подтвердил правильность моего выбора.

– Как только ты создашь рессору, то сразу приступишь к ещё одному проекту, – беру второй лист и начинаю рисовать на нём макет конки.

Надо закрепить успех и сделать мастеру предложение, от которого он не сможет отказаться.

– Именно такой механизм перемещения людей по городу мне показывал один из студентов Сорбонны четыре года назад. Если в Париже не бегают повозки по железным рельсам, то у него ничего не вышло. Значит, такие экипажи начнут ходить по улицам Москвы и Санкт-Петербурга.

– Когда мы выезжаем? – хрипло спросил Робер.

Глава 4

Апрель 1773 года. Санкт-Петербург, Российская империя.

Какие чувства я испытывал при виде столь знакомого и одновременно чужого города? Никакие. Плавание настолько меня вымотало, что хотелось быстрее сойти на берег, попариться в бане и завалиться спать часов этак на тридцать.

Рисковый купец нашёлся быстро. Он шёл с двумя судами в составе большого каравана на Балтику. Коллеги негоцианта плыли в Копенгаген, Штеттин и Данциг. И только минейр Рууд Янсен решил рискнуть и первым добраться до Санкт-Петербурга, дабы продать груз сахара, вина и шерстяных тканей. Взамен ушлый дядя хотел забить трюмы канатами, воском, дёгтем и парусиной, в которых остро нуждались многочисленные нидерландские верфи.

Более того, Янсен не боялся прогневить бога и планировал сделать целых три ходки за сезон, заканчивающийся в конце октября. На нашей компании он тоже неплохо заработал. Оказалось, что мы везём немало вещей. Оба учёных захватили с собой инструменты, книги и всякую мелочёвку, необходимую для работы. Всё это дело упаковано в сундуки и ящики. Тут ещё я решил прихватить десяток мешков картошки для рассады, а также семена различных растений, кофе, какао, вино, специи, ткани и, конечно, подарки. В итоге вышел немалый объём, загружая который Рууд потирал влажные ладошки, не скрывая довольной улыбки. Буржуй, что с него взять.

А потом начался самый настоящий ад. Первые два дня стояла хорошая погода, что удивительно для марта. Далее началась качка, не прекращающаяся до Копенгагена. Зря я рванул так резко. Голова ещё толком не зажила и сразу напомнила о себе. Однажды я даже впал в то самое забытье. Благо оно быстро закончилось. В итоге мне удалось поесть только на пятый день пути. Ермолай даже потребовал сойти в столице Дании, где наш корабль простоял два дня. Но я приказал плыть дальше.

Постепенно мне становилось лучше, и мы даже начали общаться с заскучавшими европейцами. Сначала они вели долгие научные дискуссии, изрядно надоев друг другу, затем с радостью накинулись на меня, достав до печёнок уже через день. Пришлось придумывать способ нейтрализации фанатиков. И он нашёлся! Я начал заниматься с иностранцами, включая Шика, русским языком. Теперь взвыли мои ученики, попытавшиеся филонить. Но не на того напали.

Однако в процессе пришлось снизить нагрузки, особенно на грамматику, оставив только изучение слов и разговорной речи. Заодно оба протестанта получили знания, которым радовались, как дети.

Яну я прочитал целую лекцию о гигиене, в том числе о необходимости мыть руки, менять повязки, стерилизовать хирургические инструменты и обрабатывать раны спиртом. Доктор скептически отнёсся к услышанному, хотя отсылка шла к самому Парацельсу, и Ян наблюдал за процессом заживления моей раны. Именно тогда я первый раз рассказал о столь важном деле.

Но любая теория требует доказательств. Поэтому мы договорились, что фламандец начнёт вести статистические записи и потом сравнит количество выживших пациентов. Кстати, на корабле он смог сразу проявить свои навыки, прооперировав нагноение одному матросу и рваную рану другому. Отсутствие горячки, воспалений и быстрое заживление заставили медика задуматься.

Робер тоже получил свою игрушку. Мы ждали корабль в Роттердаме более двух недель. Естественно, я не терял времени даром, посетив верфи, мельницы, теплицы, цеха, рынки и мастерские. В том числе осмотрел станочный парк, считающийся одним из самых современных в мире. Даже моих скудных познаний хватило, чтобы заметить кое-какие моменты. Поэтому мне было несложно набросать схему токарного станка с зажимом и оснастку для нарезки вин-

тов. Это дело я помню ещё со школьной поры. Как итог, дю Пре охватило чувство благоговения сродни религиозному экстазу. Фанатик!

Зато у меня появилось время на составление планов предстоящих свершений на уровне научно-технического прогресса. Ведь надо сделать из отсталой России передовое государство. Как нелепо и смешно выглядели мои потуги. Но тогда я действительно был преисполнен оптимизма.

После остановки в Данциге мы с дядькой и словаком начали тренировки, махая саблями. Очень полезное дело для восстановления физической формы. Медицина в этом времени убогая. Поэтому необходимо заниматься спортом, дабы поддерживать организм в тонусе. Чего я потребовал и от протестантов, заставив их делать зарядку. Про гигиену лучше не говорить. Я на ней буквально помешался. Кстати, фон Шик оценил многие упражнения, из которых мы составили разминочный комплекс.

А потом показался шпиль Петропавловской крепости, и все мои мысли перенеслись на берег.

***

Только попав в Фонтанный дом, я наконец начал понимать свой нынешний статус и уровень благосостояния. Столичное жилище Шереметевых представляло собой дворец с большим садом, расположенный на берегу Фонтанки. Оттуда и название.

Бытовые мелочи вроде ночного горшка, отсутствия канализации и централизованного водоснабжения меня никогда не напрягали. В детстве я проводил летние каникулы у бабушки в деревне, по молодости жизнь меня тоже не баловала. Да и не обращаешь особого внимания на подобные вещи, когда у тебя есть слуги. Но если в Нидерландах мы жили достаточно скромно – там я даже старался ухаживать за собой самостоятельно – то дома оказалось иначе. Мягко говоря.

Представьте моё удивление, когда экипаж въехал на территорию дворца, где у входа в низком поклоне стояли человек пятьдесят. Это служба дворца во главе с управляющим и их дети. Все мои крепостные, то есть рабы, если называть вещи своими именами.

Спину не гнул только Василий Вороблевский, мой учитель, переводчик и доверенное лицо отца. Он тоже крепостной, но имеет привилегии. Ему даже положено немалое жалование.

Кстати, Василий Григорьевич сопровождал меня в Европу, но был вызван старым графом в Россию. Очень полезный человек, помогавший править империей Шереметевых. Тогда в Алексеевской вотчине, что под Воронежем, возник конфликт между управляющим и крестьянами. Дабы не доводить дело до жёсткого противостояния, отец направил на юг своего лучшего человека. Шутка ли, у нас там семь слобод и тридцать шесть хуторов с населением под двенадцать тысяч человек. Земли тоже немало, более ста тысяч десятин. А ситуация грозила бунтом. Кто же захочет рушить успешное предприятие, запуская в него чиновников и тем более солдат? С этим мне ещё предстоит разобраться.

Касательно торжественной встречи, то в Данциге мы пересадили Антипа на спешащего в столицу рижского купца. Слуге поручили доставить письмо управляющему, дабы мне подготовили достойный приём. Заодно Ермолай попросил написать послание тётушке, что мы вскоре прибудем.

И вот я дома. Вернее, в столичном пристанище Шереметевых. Моё основное место жительства всё-таки Москва. Хотя надо разобраться. Теоретически, никто не снимал с меня обязанностей камер-юнкера. Это придворный чин, присвоенный мне за два года до отъезда в Европу. Отец вёл очень грамотную политику и решил, что такое звание необходимо для налаживания связей в будущем. Сам граф успевал следить за собственным огромным хозяйством и выполнять обязанности обер-камергера. Это очень важная должность. Пётр Борисович умудрялся не ссориться с придворными группировками и угождать императрице. В плане паркетных войн ему не было равных.

Жалко, что граф умер так рано. Мне бы поучиться у него и набраться опыта. Чую, что я наделаю немало ошибок. Вроде есть опыт прошлой жизни, но мне сложно сдерживать порывы молодого организма, распираемого гормонами и нетерпением, свойственным юнцам. Здесь ещё два сознания слились в одно. Иногда я не понимаю собственных побуждений.

***

Хорошо! Сажусь в предбаннике после долгого марафона в парилке. Как же мне не хватало русской бани! А ещё кваса, которого я уже выхлебал под литр. В Голландии такого нет. Как нормального пара, так и напитка. Оказывается, я по ним скучал.

Забавно, но европейцам баня не понравилась. Дольше всех продержался Шик, сбежавший из парилки после второго захода и лёгкой обработки веничком. Ха-ха! Что русскому хорошо, то немцу смерть. Гости сначала не поняли смысла поговорки, но потом дружно загрузились. Они только сейчас начали осознавать, куда попали.

Однако долго сибаритствовать мне не позволили. В комнату ввалился Ермолай, сделавший круглые глаза. У него аж усы встопоршились от ошеломления.

– Прибыла княгиня Урусова, твоя тётушка, – выпалил дядька. – Только в дом зашла.

Сначала и я дёрнулся, но потом мысленно улыбнулся. Чего мне бояться в собственном доме?

– Антип! Хватит спать! – гаркнул я так, что Ермолай вздрогнул, а затем приказал появившемуся слуге: – Вытираться, одеваться и причёсываться!

На удивление мы управились быстро. И уже через десять минут я зашёл в малую гостиную, где за изящным столом сидела невысокая, полная женщина. В груди сразу ёкнуло. В такие моменты сразу просыпается моя местная половина. Тётя!

– Николя! – Екатерина Борисовна троекратно меня расцеловала, а затем крепко обняла. – Совсем вырос! Вон я тебе едва до плеча достаю. А какой красавец! – произнесла княгиня и всхлипнула: – Как жаль, что Петруша не дождался твоего возвращения. Брат бы тобой гордился! Сначала Аннушка и теперь он...

При упоминании сестры, умершей четыре года назад, моё сердце сжалось. Её смерть от оспы стала трагедией для всей нашей семьи. Сначала мать, через год Анна. Отец тогда сильно сдал. Граф старался не показывать горечь утраты, но мы с сестрой Варей чувствовали его боль.

Княгиня достала платочек и смахнула появившиеся слёзы. Впрочем, она быстро пришла в норму и начала рассматривать меня с доброй улыбкой. Сев напротив, я улыбнулся в ответ.

Касательно моей внешности, то госпожа Урусова права. Представьте себе молодого человека под сто восемьдесят сантиметров, что считается немалым ростом по здешним меркам. Добавьте правильные, но немного резкие черты лица, серые глаза, чистую кожу и густые светлорусые волосы. Плюс я хорошо сложен, так как не пренебрегаю физическими упражнениями и сторонюсь вредных привычек, вроде алкоголя и табака.

Мы поговорили о моём путешествии и, конечно, обсудили скоропостижную кончину папеньки от удара. Смерть графа стала для всех шоком. Пётр Борисович никогда не жаловался на здоровье, поражал всех своей активностью и работоспособностью. А потом вдруг схватился за сердце, упал и больше не встал. Всё происходило на рождественских гуляньях в столице на глазах у родни и Екатерины Борисовны. Она снова всплакнула, и мне пришлось её успокаивать. Хотя у самого на душе было погано. Отец действительно был замечательным человеком.

Затем прелюдия закончилась, и княгиня резко сменила тон:

– Николя, никто не снимал с тебя обязанностей камер-юнкера. – Неуверенно киваю на слова гостыи. – Тогда почему ты не известил обер-камергера Шувалова о своём возвращении? Именно он – распорядитель двора и получил место, ранее занимаемое твоим отцом. Неужели неясно, что Иван Иванович опасается передачи обер-камергерского ключа в твои руки? Пусть ты пока молод и неопытен, но это быстро проходит. А сейчас неизвестно, как всё обернётся. Думаю, Шувалов уже доложил императрице. Пусть он и не интриган, но чужая душа – потёмки.

Тётушка задумалась, я тоже. Мне не нужны никакие придворные должности. Но оказалось, это неважно, у вельмож свои законы и мотивы. Судя по нахмурившейся Екатерине Борисовне, меня уже втянули в интригу.

Тем временем в комнате появился улыбающийся управляющий дворцом. Он поклонился и стал контролировать, как слуги накрывают на стол. Вроде обычное чаепитие. Однако перед нами оказались не только чайник с изящными чашками, но и несколько вазочек с различным вареньем, мёд, а также печенье.

– Василий? – тихо произнесла тётушка, когда слуги удалились.

Впрочем, Вороблевский её услышал и мигом появился в гостиной. Пока учитель не закрыл дверь, оттуда донеслось перешёптывание и шебуршение. Такое впечатление, что в прихожей собралась вся прислуга, ожидая вызова на ковёр.

– Ты-то почему не отправил гонца Шувалову? – спросила Урусова, подняв чашку с чаем. – Это Коленька молод и долго прожил за границей. Ему такие вещи неведомы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.